

ВЛАДИМИР ОКОРОКОВ

16+

БЕЙ

ИЛИ

БЕГИ

Владимир Дмитриевич Околоков

Бей или беги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67069092

SelfPub; 2022

Аннотация

Агент-нелегал, Василий Шатров, после распада СССР остался за границей и поступил в Иностранный легион. Став гражданином Франции он почти 30 лет не был на Родине. После увольнения из легиона по состоянию здоровья, Василий решил все-таки посетить Россию и приехал в Москву, по индивидуальной турпутевке, но уже под фамилией Отто Шварца, гражданина Франции. Это уже другой человек с давно переформировавшейся психологией и западным менталитетом, а не тот восторженный патриотичный юноша только что закончивший школу КГБ СССР. По стечению обстоятельств Шатров совершил преступление и осужден на 7 лет лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК – У-501, в городе Белоярске в далекой Сибири. Но здесь за ним начинают охоту родственники потерпевшего. Василий вынужден бежать. Удивительно но именно там в Сибири он встречает не только помощь со стороны блатных, но и от детективов уже известного нам "Агентства 404".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	41
Глава 8	49
Глава 9	54
Глава 10	62
Глава 11	69
Глава 12	75
Глава 13	84
Глава 14	90
Глава 15	98
Глава 16	105
Глава 17	113
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Владимир Окороков

Бей или беги

Глава 1

Перестройка, застала Курта Штраубе в одной из европейских стран как раз в период выполнения очередного задания полученного от куратора КГБ.

Всеобщий бардак, возникший в стране, одновременно распространившийся и в армии, давал нечистым на руку офицерам конторы, огромные возможности. Мало кто сейчас знает, что режимы многих «братских» африканских государств, стран Южной и Латинской Америки, был дружественен нам только благодаря постоянной финансовой подпитке.

В те времена было невозможно, как сейчас, перечислить денежные средства, например, на карточку какому-нибудь лидеру повстанческой армии. Все официальные банковские транзакции в валюте отслеживались международными системами финансового мониторинга. Вот поэтому и существовали специальные курьеры, перевозившие валюту налом под прикрытием дипломатических паспортов, министерства иностранных дел.

Само собой, что такие задания выполнялись специально

подготовленными офицерами КГБ. И хотя страна уже рушилась, годами отлаженная система продолжала работать, финансовые потоки продолжали уходить за границу. Как и в старые времена в определенное время, определенные люди получали в специальных хранилищах металлические чемоданчики и отбывали в какую-нибудь малоизвестную страну в далекой Африке или Южной Америке. Где уже тоже, словно почуяв близкий конец хозяина, свергались прежние режимы, вспыхивали мятежи, перевороты и революции. Правда приходявшие им на смену новые лидеры от халявных денег все равно, не отказывались и еще долгое время принимали их, не понимая даже за что и от кого.

Многие из тогдашних курьеров, вовремя вникнув в сложившуюся ситуацию, попросту перестали доставлять деньги до адресата. Чемоданчики они продолжали возить, только вот деньги уже оседали в банках каких-нибудь офшорных островов, где позднее оставались и сами перевозчики. Ведь документы у них были вполне легальные и даже при самой жесткой проверке принимающей стороной, выявить какие-нибудь нарушения не удавалось. Вот так и стали появляться молодые миллионеры где-нибудь на «крокодиловых островах», свободно, без акцента говорившие на русском языке с рязанским диалектом.

У Курта Штраубе такой возможности не было. Он от финансовых потоков был далек. Единственно, чем он мог бы похвастаться и то только перед самим собой, это специ-

альной подготовкой агента-нелегала, специализирующегося, как принято сейчас говорить, на заказных убийствах. Тогда это называлось, агент-ликвидатор.

Менялись задания, менялись документы, легенды. Препрежнему оставались только задачи и способы их решений. Собственно документы австрийского рантье и путешественника Курта Штраубе, достались ему в результате последнего задания.

Как и положено, спустя месяц, после выполнения не особо и серьезного задания он, явившись в определенное место и в определенное время, никого не застал. Так повторилось трижды, после чего предписывалось дальше этот способ связи избегать, а воспользоваться запасным вариантом. Но, как ни странно, ни один из дублеров больше на связь не выходил.

Курт уже конечно знал, что его страны, на которую он работал, больше нет. Больше нет заданий, нет кураторов, а, самое главное, нет Василия Шатрова, вместо него остался Курт Штраубе. Но он все равно, упорно надеялся, что Родина, для которой он столько сделал, не бросит его на произвол судьбы. Документы и легенда были насквозь липовые, ведь они предназначались для разовой, быстротечной и незначительной акции. А теперь Василий в чужой стране, с фальшивыми документами, как говорится без флага и родины. Деньги подходили к концу. Он впервые остался один на один в чужой незнакомой стране без кураторов, дублеров и коридора для экстренной эвакуации. А тут еще прокатился слух о

массовых предательствах генералов КГБ, направо и налево сдававших своих агентов за границей и у Василия Шатрова больше не было выбора, он перестал искать встречи с кураторами.

Можно было, конечно, другим способом пересечь границу и приехать в СССР, но что его там ждало, он не знал. Перспектива ареста или тайной ликвидации его не устраивала, и он решил пока повременить. Но, как говорится, кушать-то хочется.

И вот тогда-то Курт Штраубе и оказался у массивных дверей многоэтажного здания в Марселе. Вывеска на трех языках сообщала, что частная военная компания рада видеть его в своих рядах. Так Василий был принят добровольцем во Французский Иностранный легион.

В соответствии с уставом легиона, первый контракт на пять лет службы Василий должен был отслужить в звании капрала.

Как медицинский осмотр, так и проверку по физической подготовке, он прошел на отлично. А тестированием на интеллект, логику и психологические загадки он просто поразил комиссию и был сразу же положительно отмечен экзаменующим офицером.

Кто служил во Французском Иностранном легионе, наверняка помнит, что будь ты хоть семи пядей во лбу, офицером никогда не станешь, если ты не гражданин Франции. А поскольку в документах Василия было указано гражданство

Австрии, то максимум на что он мог рассчитывать, это когда-нибудь получить звание сержанта.

После успешно пройденного кастинга, он в числе немногих кандидатов, был направлен на учебу в специальную школу в Кастельнодари, небольшой городок на Юге Франции, где и был расквартирован 4-й полк Французского Иностранного легиона.

Поселили Василия в небольшом коттедже, рассчитанном для проживания четырех человек. Когда он, прибыв в учебный полк, получил обмундирование и постельные принадлежности отыскал наконец-то, свое бунгало, был уже вечер. Голодный, уставший, Василий кивком головы поприветствовал троих парней, с которыми ему теперь предстояло, какое-то время, делить эту комнату с наслаждением плюхнулся на кровать и уснул. У себя на родине, в СССР он прошел специальное обучение, навыки которого позволяло ему в одно мгновение отключаться и засыпать, но даже во сне он умудрялся каким-то образом контролировать себя и окружающую обстановку. Периодически он слышал, как поддаваемые легионеры вначале просто обсуждали Василия, подсмеиваясь и зубоскаля, потом один из них решил поменять свое одеяло на новенькое, которое получил Василий и осторожно подошел к нему.

– Ты что-то хотел? – Не открывая глаз, спросил Василий, на английском языке и положил руку на одеяло.

Застигнутый врасплох, под хохот своих товарищей, леги-

онер убрался восвояси, при этом пробурчав длинную тираду на арабском языке, дружно встреченную еще более громким хохотом. Арабский наемник фактически, в открытую изощренно оскорбил Василия и всю его родню обидными и уничижительными выражениями сопоставимыми, разве что, с грязными и мерзкими русскими матерками, затрагивающими мать. Он видимо считал, что европеец, в принципе, арабского языка знать не мог, и это было подло вдвойне.

Василий открыл глаза и медленно встал. Внутри у него уже появился знакомый холодок. Он возникал всегда, когда надо было принять опасное решение, может быть даже губительное и смертельное. Внешне ни жестами, ни мимикой он не дал понять, что прекрасно понял адресованное ему оскорбление. Не спуская глаз с обидчика медленно, почти вразвалку, он прошел три метра разделяющие их и нанес короткий, резкий, почти незаметный, но страшный удар кулаком в горло, все еще смеющемуся арабу. Смех моментально перешел в хриплое бульканье. Араб, как подкошенный, с выпученными глазами упал на колени, потом схватился руками за горло и, потеряв сознание, ткнулся лицом в пол.

Василий, как ни в чем не бывало, равнодушно отвернулся и пошел к своей кровати. Он видел в зеркало, как за его спиной, в наступившей тишине двое арабов, переглянувшись медленно и осторожно стали подниматься из-за стола. У одного из них в руке вдруг появился длинный, узкий стилет. В зеркале, висевшем над его кроватью, оставшимся, види-

мо, от предыдущего постояльца, Василий встретился с ним взглядом. Волчий оскал рта, обрамленного седеющей бородой и ненавидящий взгляд черных глаз, красноречиво давали понять, что пощады не будет. Да он ее и не ждал. Резко развернувшись, уже в прыжке заметил, что второй тоже пытается что-то вытащить из-под подушки. Ребром ладони по шее Василий отправил его в глубокий нокаут. Выбить клинок из рук второго нападавшего для него не представляло никаких затруднений, одновременно он с такой силой крутанул его руку, что тот, взыв, потерял сознание.

Василий сел на стул, закурил чужие сигареты, лежавшие на столе и оглядел «поле боя». Результаты для поверженной стороны были далеко не радостные. Вероятно в сознание, всем им предстояло прийти не скоро, да и после этого они уже не являлись для Василия серьезной угрозой. Первый, как минимум, дня три не сможет даже глотать пищу и говорить, второй, наверняка неделю не повернет голову, а вот третьему, который был с ножом, по всей видимости, понадобится квалифицированная медицинская помощь в стационаре.

Василий тяжело вздохнул. Ну, на хрена, спрашивается, им это было нужно. Он вдруг ощутил дикий голод. В небольшом холодильнике кроме пяти банок пива, был приличный кусок твердого сыра. Посчитав что, скорее всего, его соседи не будут возражать, Василий добросовестно съел весь сыр, запил его пивом и довольный собой лег спать.

Вот так закончился первый день, вновь испеченного легионера из Австрии, Курта Штраубе, который на самом деле был Василием Шатровым из уже несуществующего государства по имени СССР.

Глава 2

Наутро пришедший в бунгало офицер, долго пытался выяснить истинные причины, по которым трое арабов просили, чтобы им предоставили другое помещение. Подозрительно поглядывая на молчавшего Василия, равнодушно взирающего со стороны как, ни бельмеса не понимающие по-французски и плохо говорящие на английском языке, арабы пытались объясняться при помощи мимики и жестов. Наконец не выдержав, он сказал офицеру, что всему причиной, видимо, разные религии. Тот еще раз подозрительно бросил взгляд на Василия и пообещал разобраться и решить вопрос. К вечеру арабов перевели в другое бунгало. Поскольку в следующей партии новобранцев опять преобладали арабы, то целых две недели Василий проживал в гордом одиночестве. Все обучение в этой школе сводилось к одному; ежедневная маршировка в ботинках «Rangers», горланя во всю глотку коронную песню легиона «Le Boudin», причем вместо общепринятых 120 шагов в минуту следовало двигаться только со скоростью 88 шагов, что очень раздражало Василия.

Основной и главный плюс своей новой службы Василий видел в том, что сразу же после зачисления в Легион, по желанию legionnaire, ему выдавался служебный паспорт с новым именем и фамилией, любым местом и датой рождения. А по окончании контракта представлялся вид на жительство

во Франции и возможность смены двух букв своей фамилии. В то время этой возможностью пользовались не только люди желающие получить гражданство в Европе, но и откровенные бандиты, и террористы, находящиеся в розыске у себя на родине.

Таким образом, Курт Штраубе был зачислен во Французский Иностранный Легион уже как Василь Шатр, уроженец города Киева. Единственно, что он оставил без изменения, это дату рождения, 18 ноября 1963 года.

Два месяца мучительной, танцевальной маршировки по плацу и распевания дурацкой песенки, нахваливающей бойких парней из легиона, которые должны были обязательно умереть и почему-то еще, упоминалась кровяная колбаса. За что они должны были погибнуть Василий так и не понял; то ли за Легион, то ли за колбасу. Но всему приходит конец, пришел конец и обучению.

Однажды ночью полк был поднят по тревоге, погружен в самолеты, после взлета и набора высоты офицер объявил им, что летят они в Сомали. В то время там, в результате революции сложилась непростая, внутригосударственная ситуация. Государство раскололось на множество воюющих между собой коалиций, в результате чего страна стояла на грани гуманитарной катастрофы.

Первыми в столице Сомали Могадишо уже высадились «Рейнджеры» – 45-го полка и спецподразделение «Дельта» из США. И вот теперь туда отправлялись легионеры из

Франции, среди которых был Василь Шатр. Операция ООН, в которой приняли участие более чем 20 стран, как всегда с подачи США, напыщенно называлась «Возрождение надежды».

Потом Василь воевал в Боснии, Косово, Мали и, наконец, Ирак, где он был серьезно ранен в правое бедро. Хотя ранение носило характер сквозного, и в обычной ситуации не являлось катастрофой, но в жарком климате пустыни и отсутствии немедленной медицинской помощи такое ранение могло оказаться фатальным. Обеззаразить раневой канал в полевых условиях не удалось, а 3-х суток, пока Василя доставили в Багдадский военный госпиталь, вполне хватило, чтобы наступил некроз и как следствие стал вопрос об ампутации конечности.

Ногу удалось сохранить только благодаря профессионализму хирурга и силы воли самого Василя, но из Легиона его списали. В Марсель, куда его доставили бортом Французского военно-транспортного самолета «Transall C-160», Василь на такси доехал до Обани, где находится главный штаб Иностранного легиона и помотавшись, как это везде водится, по кабинетам, уже официально был уволен из легиона и получил окончательный расчет.

Закончилась служба в легионе для Василя не так, как он это себе представлял.

И вот он сидит в дешевом кафе, на Лазурном берегу за бутылкой Шабли и мрачно рассуждает о мимолетности и ско-

ротечности жизни о несбывшихся надеждах. Перед ним на замызанном столе, лежит паспорт гражданина Франции на имя Отто Шварца, уроженца Марселя, 57 лет от роду. На банковской «MasterCard», сумма в 35 тысяч Евро и на этот же счет ежемесячно должна начисляться пенсия в размере 2 тысячи евро.

– Не густо, конечно, но кое-как перебиться первое время поможет. В конце концов, можно перебраться куда-нибудь в сельскую местность, где на такие деньги гораздо легче прожить. Можно вообще уехать в Германию или Австрию, там жизнь еще дешевле, но у него было старое, стойкое негативное воспоминание об этих странах. Именно там кончилась его жизнь как советского агента и началась жизнь военного наемника.

И вот теперь, в 57 лет, Василий всерьез задумался – А не вернуться ли ему домой, на Родину. Он жил в реальном мире и давно уже осознавал, что попасть в Россию ему большого труда не составит. Можно вполне легально, как гражданин Франции, въехать на территорию России, скажем, в качестве туриста. Его, официально полученные документы, были подлинными и не могли вызвать никаких подозрений. То, что он будет узнан кем-нибудь из бывших знакомых, вообще было из области фантастики. Василий не был на Родине около тридцати лет. Он только сейчас понял, что в принципе и не знает-то о ней ничего. Средствам массовой информации Василий давно не доверял, да и не следил за развитием собы-

тий на международном контуре, давно махнув рукой на все, что его конкретно не касалось. А дела в России его не касались, он давно считал своим местом жительства Францию, куда периодически приезжал в отпуск на отдых. Снимал где-нибудь на побережье домик или квартиру, гулял по пляжу, пил в кафе вино. Если было лето – купался, вечером ходил в ресторан и иногда уходил домой не один. Как, правило, безделье быстро надоедало, и через пару недель Василий уже с нетерпением ожидал, когда ему прикажут вернуться, в расположение части и в тот же день улетал.

И вот впервые он оказался не у дел. Никто его не ждал, некуда было спешить. Даже позвонить было некому, он поймал себя на мысли, что с тех пор как прилетел во Францию из Ирака, ему никто ни разу не позвонил. Знакомых у него было много, друзей не было совсем. И он всерьез уже стал думать о поездке в Российскую Федерацию, именно так здесь называли его страну.

Денег на карточке на скромную поездку ему наверняка хватит. Правда надо выяснить, сможет ли он там получить эти деньги и есть ли в России банкоматы?

– Надо бы поговорить со сведущими людьми. – Решил Василий и направился к ресторану «Буш-дю-Рон», одному из лучших ресторанов русской кухни в Марселе, благо время уже подходило к обеду.

Удобно устроившись за столиком в углу веранды, откуда открывался великолепный вид на Средиземное море, в лет-

ней дымке, всего в миле от побережья, раскинулись Фриульские острова, на которых, если помните, располагался знаменитый Замок Иф, где томился в заточении Эдмон Дантес, ставший героем романа Александра Дюма «Граф Монте-Кристо».

– Месье?

Возле столика стоял официант в очень смешной униформе, вероятно означавшей, что перед вами русский человек. На нем была косоворотка, широченные штаны, заправленные в короткие яловые сапожки и огромный картуз на голове.

– Я говорю по-русски. – Усмехнулся Василий. – Принесите что-нибудь на ваш вкус.

– Хорошо. – Кивнул официант и удалился.

После того, как на столе у Василия появилась закуска; сельдь с луком, масло, черная икра, соленые огурчики и, конечно же, водка в простеньком хрустальном графинчике, он жестом попросил официанта обождать.

– Я русский, но давно не был на родине, более двадцати лет и ничего не знаю о сегодняшней жизни в России. С кем бы я мог обсудить нынешний образ жизни в стране, так как собираюсь в ближайшее время посетить Российскую Федерацию.

– Да хоть с кем. – Усмехнулся официант. – Минут через десять здесь будет весьма многолюдно. Если хотите, я к вам посажу своего знакомого, он всего лишь пару недель назад

прилетел из Москвы. Он журналист, очень компетентный человек, объездил вдоль и поперек всю Россию, бывал и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Очень интересный собеседник, к тому же никогда не прочь. – И он щелкнул пальцами себя по горлу.

– Тогда принеси что-нибудь посущественней. – Шатров указал на графин. – Маловато будет.

Холодная водка, мягко и нежно прокатилась по горлу. Через секунду внутри что-то зажгло, и теплая волна приятно окутала сознание.

– Давненько я водку не пил, а зря. – Подумал Василий, закусывая соленым огурчиком.

– Напрасно вы икорку игнорируете, первейшая закусочка, да и грибочков что-то я не наблюдаю. В чем дело Федор?

Возле стола стоял высокий полноватый блондин, примерно такого же возраста и добродушно рассматривал Василия. Официант видимо и был тем самым Федором, к которому тот обращался, потому что отреагировал немедленно.

– Сейчас будут и грибочки. – Он повернулся к Шатрову. – Разрешите представить. Олег, журналист из Москвы.

– Очень рад. Отто Шварц. – отрекомендовался Василий, с интересом разглядывая земляка. – Прошу садиться.

Глава 3

Наутро Василий проснулся с больной головой. Солнце уже было довольно высоко и палило нестерпимо. На море, хорошо видимом из открытого окна его спальни, был полнейший штиль. Воздух был такой густой и тягучий, что даже чайки летали как-то лениво и неохотно. Казалось, что от зноя замерла сама жизнь. С трудом ворочая во рту сухим языком, Василий выпил остатки теплой минеральной воды и поплелся в душевую. Через десять минут стояния под холодной водой, память постепенно стала возвращаться, а бутылка холодного, светлого пива окончательно вернула его к реальной жизни. Устроившись с сигаретой возле открытого окна, он пытался сложить воедино калейдоскоп из вчерашних воспоминаний, но картинка получалась какая-то неполная и мгновенно рассыпалась, как только он пытался соединять размытые памятью эпизоды. Василий, в связи с тем, что почти три месяца провалялся в госпиталях, давненько уже не пивший спиртное, так бы и мучился с похмелья, если бы в дверь не постучали. На пороге стоял вчерашний его компаньон и собутыльник, журналист Олег.

– Привет Отто! – Заорал он, радостно улыбаясь. – Ты что, до сих пор не похмелился? Да ты что, разве так можно мучить себя? – И лихо вытащил из висевшей на плече спортивной сумки, бутылку водки «Московская».

– Где у тебя, стаканчики? Давай быстренько, сейчас полегчает. Вставай, вставай, Отто.

– Может не стоит? – Вяло сопротивляясь, Василий достал бокалы. – Извини, рюмок нет. Французы чаще пьют вино, а не водку или виски.

– Ничего, пойдет. – Олег, не садясь за стол, открыл бутылку и налил по полбокала водки. – Ну, давай. Видит бог, «не пьянства ради а здоровья для». – И Олег залпом жажнул, полстакана водки. – Ты чего сопли жуешь? А говоришь русский. Пей, давай. – Протянул он бокал Шатрову.

Под прицелом смеющихся глаз журналиста Василий высосал водку до капли, еле сдерживая подступившую тошноту.

– Ну, вот и молодец. – Похвалил Олег, снова разливая водку по бокалам. – Закусить-то что-нибудь имеется? – И несколько не стесняясь, раскрыл холодильник. – Вот и закусочка. Само-то к водочке. – Плотно улыбаясь, он достал большой кусок Испанского хамона и такой же кусок сыра. – Где у тебя тут ножичек? – И не дожидаясь ответа, стал открывать шкафы и заглядывать туда в поисках ножа.

Вторую порцию алкоголя Василий маханул уже более смело и даже с удовольствием. Странно, но он уже реально ощутил облегчение и прилив положительных эмоций от этого варварского обычая.

И вот, на удивление Василия, разговор оживился и перешел в конструктивное русло. Его всегда поражали люди, умеющие одновременно и пить и, как говорится, дело разу-

мать. Именно к такой категории людей относился Олег, все более нравившийся Василию. Коренной москвич, окончивший МГУ и работающий журналистом международного отдела одной из ведущих газет России, он был начисто лишен высокомерия и пренебрежительного снобизма к очередному отщепенцу, неведомо как оказавшемуся вдали от родины. Они проговорили глубоко за полночь, выпив при этом литр водки. Расставаясь, пообещали друг другу обязательно встретиться и обменялись номерами телефонов. Наутро Олег улетал в Брюссель на целых три дня освещать очередное совещание стран НАТО и убедительно просил Василия не торопиться с отъездом, а дожидаться его. Больше Олега Василию увидеть было не суждено. Ближе к вечеру следующего дня по телевизору объявили, что чартерный, легкомоторный самолет «Цесна-182», на борту которого находился русский журналист Олег Толмачев, пропал с экранов радаров где-то в районе Ла-Манша.

Давно уже привыкший к смертям Василий, конечно же, посокрушался по поводу внезапной и преждевременной гибели нового своего знакомого и даже выпил за упокой его души с официантом Федором. Покрутившись еще какое-то время в Марселе, поскучав, Василий взял билет на самолет и вылетел в Париж. Там явившись в первое попавшееся туристическое агентство, оформил индивидуальный тур в Москву.

Помня рекомендации Олега, он оформил рублевую кар-

ту «Виза». Поскольку на дворе лето было в самом разгаре, июль все-таки, Василий купил себе легкие светло-коричневые брюки, пару хлопчатобумажных рубашек и легкие коричневые мокасины. Самолет «Airbus A380» рейсом до Москвы, вылетал из аэропорта «Шарль де Голль» поздно вечером, так что остаток дня Отто Шварц провел в, точно таком же, ресторане русской кухни, что и в Марселе.

Официант Федор по счастливой случайности не работавший в этот день, прилетел вместе с ним в Париж и не только вместе с ним отпраздновал это замечательное событие, но и проводил его до самой регистрационной стойки и долго стоял у громадного окна, пока лайнер не взмыл в небо.

Глава 4

Международный аэропорт в Шереметьево, ошеломил Василия. Он не только не уступал «Шарль де Голлю», он его превосходил. Шатров помнил аэропорт еще в те советские времена, но теперь это было просто «небо и земля».

Поскольку временем он был не ограничен, то прежде чем отправиться в свою гостиницу «Марриотт Москва Ройал Аврора», Василий попросил шофера покатасть его по ночной Москве. Услышав название отеля, водитель такси моментально проникся к нему уважением и с радостью повез иностранца показывать ему Московские достопримечательности. Уже под утро, изрядно уставший Отто, рассчитываясь с таксистом, отметил, что цены в Москве значительно ниже, чем в Париже.

Вещей, кроме дорожной, кожаной сумки через плечо у него не было, однако он все равно протянул 5-евровую банкноту подбежавшему к нему швейцару. К его удивлению и номер был шикарный. Василий поймал себя на мысли, что он невольно ищет огрехи в сервисе и не находит. Уму непостижимо, как изменилась жизнь, а что же тогда брешут, европейские средства массовой информации, охаивая Россию, запугивая выезжающих туристов; голодом, полицейским режимом, ужасными дорогами, транспортом и никудышными услугами. Пока что Василий ничего подобного не обнару-

жил. Если бы он не знал, что находится в России, то не поверил бы, настолько красивым, шумным и веселым был ночной город. Дорогие автомобили, которых не встретишь в таком количестве, не только в Марселе, но и в Париже, яркая красочная реклама, обилие точек общественного питания, казалось, что город никогда не спит.

Целыми днями Василий бродил по улицам города, такого родного и одновременно чужого и незнакомого. Красная площадь, Кремль, Третьяковка, Воробьевы горы, ВДНХ, Парк Горького – это не полный перечень мест, где успел побывать Василий за неделю своего пребывания в Москве. Но особенно привлекали его ночные бесцельные хождения по Арбату и Тверской. Множество кафешек, забегаловок, где можно было посидеть под зонтиком, выпить чашку кофе, кружку пива или бокал чего-нибудь другого, почитать газету на любом языке или просто послушать музыку. Василий был в неопишемом восторге. Он не то, что не знал, он даже представить себе не мог, что все так радикально изменилось. С трудом искал и не находил приметы той старой советской Москвы, ну разве что Красная площадь, Кремль и Мавзолей. Но даже они воспринимались теперь как-то по-другому. Не было помпезности и наигранного символизма. Исчезли красные знамена, такого же цвета плакаты с грудастыми, что-то орущими крестьянками с серпами и суровыми, мускулистыми рабочими с тяжелыми молотками.

Но если в центре столицы царил цивилизационная бла-

годать, то стоило только отойти или отъехать чуть в сторону, скажем, в Чертаново, Люберцы или в Долгопрудный, как этой показушной, рекламной прелести становилось все меньше. Те же, что и раньше неухоженные дворы с кучами мусора у контейнеров, толпы неведомых ранее, шумных гастарбайтеров, от которых нормальные люди шарахаются прочь, пьяненькие компании в сквериках распиивающие дешевую водку и, как и раньше, полное отсутствие служителей правопорядка.

Однажды вечером, неизвестно уж, по какой причине, Василий, оказавшись в одном из спальных районов, решил зайти в ночной клуб с экзотическим названием «Саванна». Почему именно так называлось это заведение, наверняка сказать, вряд бы кто-нибудь смог. Как и на любой танцплощадке гроыхала музыка, возле шеста на сцене неумело кривлялись, две потные, уставшие девицы. В общем, все как обычно происходит в любом клубе. Двое амбалов при входе, неизвестно для чего, поводили по нему ручными металлодетекторами, попросив выложить все металлические предметы из карманов и только после этого пропустили в зал.

Возле барной стойки было довольно свободно и Василий, взгромоздившись на табурет, стал с любопытством осматривать танцующую молодежь.

– Вам что-нибудь налить? – Прервал его бармен, весь в наколках, словно всю свою жизнь провел в местах лишения свободы.

– Водки – Кивнул Василий, закуривая сигарету.

Клуб Василию не понравился; громкая непонятная ему музыка, скорее похожая на изощренную пытку, толкотня пьяной развязной молодежи. Да и водка напоминала какую-то техническую бурду. Ему однажды доводилось такую пить, где-то в портовой таверне, в Сомали. Бросив на стойку тысячную купюру, Василий еле протиснулся к выходу.

Ночная свежесть, после только что прошедшего дождика, приятно холодила разгоряченное лицо, дышалось легко и свободно. – Черт меня дернул сунуться в этот гадюшник. – Облегченно вздохнул он, направляясь к стоянке такси.

– Молодой человек?

Василий остановился. К нему подходила, картинно покачивая бедрами, не совсем трезвая, ярко размалеванная блондинка.

– Не хотите ли приятно провести вечер? – Неуверенно предложила она, цепляясь за его локоть. – Я здесь рядом живу.

Чтобы быстрее избавиться от назойливой, пьяной проститутки, Василий заговорил с ней на французском языке, настойчиво и красноречиво жестикулируя, чтобы более доходчиво донести до нее свой отказ.

Но услышав иностранную речь, девушка еще активнее стала прижиматься к Василию, громко хохотала, стараясь подхватить его под руку и так раскачивалась, что Василий был вынужден подхватить ее, оказавшись в двусмысленном

положении.

– Ты что, сука, с моей бабой делаешь?

Из темноты к Василию приближалась компания из трех молодых парней.

– Это жена моя, урод. – Злобно выкрикивал один из них. И словно приглашая своих друзей к обсуждению «чудовищного преступления», совершаемого Василием по отношению к невинной целомудренной девушки, развел руками. – Вы посмотрите, этот старый хер пристаёт к моей жене прямо на улице. Ты что творишь, пенсионер?

Продолжая говорить на французском, Василий жестами дал понять, что не претендует на это пьяное сокровище и готов идти дальше, если муж все-таки постарается отлепить ее от него.

– О, фраер-то импортный. – Заржал длинный, жилистый и лохматый как конь, его приятель. – Давай, Жора его на бабки лучше разведем? Че его, дубасить, он и сам скоро ласты склеит от старости.

А вконец осмелевший Жора, схватив Василия за ворот рубашки, устрашающе тарасил на него глаз, дыша в лицо вонюю алкогольного перегара, дешевых сигарет и какой-то кислоты, уже почти во все горло орал.

– Гони бабки, козел. Это у вас там все можно, а здесь Россия, здесь не проканаает. – Брызгал он слюнями в лицо.

В душе Василия начинала закипать злоба. Он внешне до сих пор не проявлял никакой агрессии и не давал повода усом-

мниться, что не понимает, чего от него хотят. Но внутри его уже появилось знакомое чувство холодка, по телу прошел озноб. Василий мгновенно сосредоточился.

Взмахом обеих рук он отбросил от себя липкие ручонки Жоры. Годы военной жизни и специальная подготовка научили его быть всегда готовым принимать любую агрессию, любой вызов, даже самый опасный и смертельный, в то же время он не признавал глупую, бессмысленную удаль и бесстрашие. Потому тянул время, в душе надеясь, что здравый смысл и чувство собственного самосохранения все-таки возьмут верх над глупостью этих молодых людей. И не дождался.

Резко оттолкнув от себя пьяненькую блондинку, Василий отступил шаг назад, крутнулся на левом каблуке и с размаху впечатал пяткой прямо в лоб Жоре. Тот рухнул, как подкошенный и не потому, что удар застиг его врасплох или от того, что Жора был изрядно подшофе. Нет, просто подобный удар и был рассчитан на то, чтобы свалить и обездвижить любого человека, даже не такого размазню, как Жора.

– Убили... – Заголосила, Жорина жена, только что торговавшая собой посреди улицы. – Караул, убили..., полиция...

– Ах ты, гад! – На Василия бросились два Жориных друга, беспорядочно размахивая руками и ногами. Они пытались дотянуться до него хотя бы случайно, но случай все не выпадал. Наконец Василию эта кутерьма надоела и он двумя ударами одного в ухо, другого прямым в челюсть, отправил

их в глубокий нокаут. Василий собирался было уже тихонько смыться, но ему преградила дорогу завывающая и мигающая полицейская машина.

– Стоять. Руки за голову. – Отчаянно орал молоденький сержант, нацелив в голову Василию укороченный автомат Калашникова. А второй, с пистолетом Макарова в руке, осторожно обходил его сзади.

– Укокошат еще сгоряча. – Подумал Шатров и послушно поднял руки. Он молча вытянул их, позволил надеть наручники, безропотно прошел в машину и покорно сел в нее, не промолвив ни слова.

– Он это. Он иностранец. – Зашептал ментам очухавшийся Жора. Он на нас напал, ограбить хотел. А ее вот изнасиловать собирался. – Указал он на обиженно поджавшую губки, блондинку.

– Разберемся. – Пропищал сержант. Подходите утром в РОВД, к дежурному, он у нас все равно до утра будет сидеть.

Глава 5

Все бы хорошо, ну забрали и забрали. Василий в своей жизни в какой только стране не был в полиции, даже в Сомали умудрился побывать в участке и нигде к нему так похамски, презрительно и издевательски не относились.

В дежурной части РОВД полицейские, вероятно продолжая считать, что Василий ни хрена на русском не понимает, открыто издевались над ним, называя его самыми непотребными словами, хохоча при этом как настоящие придурки.

Василий долго терпел, стиснув зубы, с ненавистью наблюдая, как глумятся над ним эти сопливые негодяи, ничем не отличающиеся от тех, которые приставали к нему на улице, разве что только полицейской формой.

Но когда один из них, именно тот сержантик, что суетился с пистолетом при задержании, подошел к решетке камеры-отстойника и расстегнув ширинку форменных брюк стал под хохот остальных ссать внутрь камеры, прямо ему на брюки, терпение лопнуло. Василий ощутил, что в его голове как будто что-то перемкнуло, снова предательский холодок, зародившийся где-то внизу живота, стал подниматься, разрастаясь во весь его организм. Необычайная легкость и пустота охватила его. Он встал и пальцем поманил сержанта.

– О, смотри. Это чучело ожило. – Под громкий хохот своих друзей сержант вальяжно застегивал свои штаны. – Ну,

че надо? – он пренебрежительно сплюнул внутрь камеры. – Че надо спрашиваю, животное.

Молниеносным движением обеих рук Василий схватил не ожидавшего подобных действий сержанта за уши, словно ядовитая змея перед нападением он впился взглядом в его глаза и на мгновение увидел в них ужас. Резким, стремительным рывком он оторвал у полицейского оба уха, и секунду подержав их в руках, бросил ему под ноги.

Целую минуту в дежурном помещении стояла звенящая тишина. Потом болевой шок прошел и тишину разорвал пронзительный животный рев. Сержант, прижав к окровавленной голове руки и качаясь опустился на колени, не переставая при этом дико кричать. Бросившиеся было с воплями к решетке полицейские, размахивающие резиновыми дубинками, споткнувшись о взгляд мертвых глаз Василия, остановились как вкопанные.

Сбежались люди, приехала «скорая помощь», начальство, прокуратура, мелькали важные лица, большие звезды на погонах. Одни подходили, глядели на Василия как на дикое животное некоторые с опаской и уважением, другие с брезгливым отвращением. Листали документы, куда-то звонили, в общем, переполох получился приличный. Чуть позже приехали чиновники Французского посольства, кажется консул или его заместитель, был также военный атташе. Они тихонько поговорили с Василием на французском, посокруша-

лись, заверили, что приложат все усилия, чтобы вытащить его из этой варварской страны, в крайнем случае, если он будет отбывать заключение здесь, в России, то они сделают все возможное, чтобы у него было более комфортное содержание, чем в обычных российских лагерях. Василий понимал, что никому он не нужен. То, что говорит и консул, и атташе это обычные слова, предусмотренные для таких случаев. Во Франции его никто не ждал. У него не было ни семьи, ни родных, ни даже знакомых кому следовало бы сообщить о случившемся с ним происшествии. Они тоже это все понимали, но продолжали его успокаивать, обещали адвокатов, то есть выполняли свою миссию до конца, как и положено.

Примерно через час Василия под усиленным конвоем, закованным в наручники, привели на второй этаж в просторный, ярко освещенный кабинет, где за длинным столом сидели человек десять старших офицеров в разной форме, с разными знаками различия и званиями. Среди присутствующих трое были в гражданской одежде, но по выправке и по терминологии, было件 понятно, что они тоже были людьми военными, причем весьма высокого ранга.

Глава 6

– Спросите его, зачем он это сделал? – Обратился один из генералов к молодому лейтенанту, видимо переводчику.

Василий промолчал. За все время следствия и судебного процесса он больше ни разу даже не откроет рта и не ответит ни на один вопрос, даже не взглянет на людей, эти вопросы задающих.

Маска высокомерия и равнодушного пренебрежения не покидала его лица.

В ту же ночь Василий был этапирован в следственный изолятор ФСБ и помещен в трехместную камеру, где уже находились двое сидельцев. Василий догадывался, что это наверняка подсадные. Ну, или хотя бы один из них, обязательно должен был быть наседкой. Наверняка полицейское начальство знало, что Василий говорить умеет, ведь как-то же он общался с Жорой и его друзьями, пусть даже по-французски, но все же. Значит язык у него есть. Да и с посольскими он говорил, правда о чем они говорили никто не слышал, ну не в молчанку же они играли почти целый час.

Идя навстречу полицейскому руководству, Василий вежливо поздоровался с обитателями камеры, причем сделал это на чистейшем русском языке, чем несказанно удивил их. Так как им было вероятно уже сказано, что подселят к ним иностранца, который по-русски ни бум-бум, только и умеет,

что уши у лохов зазевавшихся отрывать под корень.

Они тоже молча покивали ему, пока еще не сообразив, как себя вести. Оказывается умеет мужик говорить и даже очень бойко, и не только по-французски. А может он вообще не иностранец? Так, дурил мозги ментам, а они и впрямь невесть чего подумали. В камере было душно и когда Василий, вытерев с лица пот, снятой с себя рубашкой, больше ее не одел, сомнения сокамерников развеялись, все татуировки на его теле были на латинице.

– Где чалился, братан? – Обратился к Василию костлявый изможденный сокамерник, его наколки не говорили, конечно, что он не мог быть насадкой. Как правило, именно такие и должны располагать к доверительной беседе. Кроме того он явно находился на последней стадии тяжелой формы туберкулеза, а в таком положении человек на все готов. Василий видел таких на побережье Восточной Африки в тюрьме Джибути, где он отсидел несколько недель после того, как был задержан по подозрению в торговле оружием. Правда обвинение очень быстро было с него снято и его освободили, но несколько недель ему все-таки пришлось отсидеть в местной тюрьме.

– В Африке чалился, в Европе, на Ближнем Востоке, да всего и не упомнишь. – Ухмыльнулся Василий, и для полной ясности и убедительности перешел на английский.

– Так ты что, международный бандит? Мафия? – Изумленно открыл рот доходяга.

– Ну, можно и так сказать. – Кивнул головой Василий. – У вас курить чего-нибудь найдется?

– На кури, братан. – Второй арестант протянул ему пачку дрянных сигарет «Прима». – Хорошего курева нет, уж извини – Промолвил он, разглядывая голый торс нового сокамерника. А посмотреть, прямо скажем, было на что; посреди груди полукругом крупными латинскими буквами было выбито «Иностранный Легион». Под текстом эмблема легиона; круглая граната с семью языками пламени и девиз «Наша Родина – Легион», на плечах красивые маршальские эполеты с бахромой, чуть ниже восьмиконечные крупные звезды, на правой руке надпись «Легион наш дом», левая рука опоясана крупной змеей от запястья до самой шеи. На животе крупной вязью «Давай, смерть, потанцуем». На спине был мастерски выбит силуэт собора Парижской Богоматери и надпись «Я ни о чем не жалею». – Красиво – восхищенно покрутил головой арестант. – Не-то что это – и кивнул в сторону доходяги. Татуировки legionера не только свидетельствовали о принадлежности к священному мужскому братству, не только идентифицировали legionера, они подчеркивали его принадлежность к миру риска и приключений. А преданность своему Легиону заменяла им все; любовь, семью, дом и Отчизну. Татуировка – это древняя традиция и обычай сообщества по имени Легион. И в трудную минуту, в бою или на краю смерти каждый знал, увидев эти знаки, «Я свой. Мы – Легион»

– Ты, наверное, там у вас, «В законе»? – Спросил доходяга и внезапно закашлялся, прижимая руки к груди.

– Скорее вне закона теперь. И при чем, у вас. – Мрачно пошутил Василий, с сожалением поглядывая на него. – Лечиться тебе надо, братан, а не по зонам шастать.

В этой камере Василию пришлось просидеть до суда целых два месяца.

– Он не переставал удивляться, почему его до сих пор не осудят? Казалось бы, все предельно ясно, преступление, в котором его обвиняют, очевидно и ни у кого сомнений не вызывает, свидетелей полно, никаких смягчающих вину обстоятельств нет, адвокат от обвинения не отказывается, наоборот торопит, однако время идет и кажется, что про него все забыли.

Наконец как гром среди ясного неба:

– Отто Шварц! На выход. – В дверях стоял конвой, ему надели наручники. – В суд поедешь. – Бросил ему молоденький лейтенант, видимо начальник караула.

– Ну, наконец-то. – Усмехнулся Василий. – Лед тронулся. – За эти два месяца он значительно пополнил свои знания, прочитав более сотни русских книг из тюремной библиотеки.

– Я б на твоём месте, сильно-то не радовался. – Процедил лейтенант. – Что, думаешь, в зоне тебе лучше будет?

Дело рассматривалось в суде того района где и было совершено преступление. За все время процесса Василий не

открыл рта и только когда обвинитель зачитывал медицинское описание телесных повреждений полученных сержантом, ухмыльнулся и посочувствовал тому, что теперь мол форменная фуражка будет плохо держаться на безухой голове, на глаза наезжать будет.

Как адвокат Василия и предполагал, в связи с отсутствием смягчающих вину обстоятельств, а также учитывая что подсудимый не только не раскаялся, но еще и позволил в зале суда оскорбительные насмешки в адрес потерпевшего, приговорили Василия по максимуму к 7-ми годам лишения свободы, правда с отбыванием наказания в колонии общего режима.

Василий такой приговор воспринял спокойно, даже с улыбкой. Поблагодарил адвоката. Отказался от обжалования приговора в кассационной инстанции.

Так Василий оказался в одной из многочисленных «Зон» на Севере Белоярской области. Зона как зона, ко всему люди привыкают. Конечно это не-то, что в своих книгах, прочитанных им в СИЗО, описывали Лимонов, Шаламов или Солженицын и уж само собой не каторга из повести «Записки из мертвого дома» Федора Достоевского, но на воле всяко разнo лучше.

Василию, впервые реально соприкоснувшемуся с Российской пенитенциарной системой, не сразу удалось разобраться в ее противоречивых хитросплетениях и коллизиях. Во-

первых, он попал в так называемую «черную» колонию, где порядки в основном устанавливаются «ворами», хоть официально так уже давно считать не принято. Однако на самом деле это существует и от этого никуда не деться, так или иначе, центров влияния все равно будет существовать два: администрация и криминал.

В каждой исправительно-трудовой колонии кроме администрации существует еще внутри-лагерный актив. Это, якобы, добровольные помощники официальной администрации. Часть из них действительно стукачи, создающие сидельцам определенные неудобства, другая часть наоборот, осуществляют некое благое дело, являясь посредниками между администрацией и так называемыми блатными, которые фактически и держат порядок в «Зоне».

Среди блатных была своя иерархия, в которой не сведущему человеку разобраться было еще сложнее. Между администрацией и заключенными заключается негласный договор, в соответствии с которым администрация как бы закрывает глаза на некоторые нарушения лагерного режима, в ответ блатные гарантируют порядок в зоне и выполнение производственного плана. А большего от них администрации и не требуется, все тишь да гладь. Кому положено работают, а кому положено управлять, успешно управляют. В зоне всегда есть алкоголь, наркотики и сотовая связь, но это администрация, конечно же, не видит. В зоне покой и порядок, производственный план слегка перевыполняется, офи-

церы получаю премии и очередные звания. Блатные не работают, свободно передвигаются по всей территории, имеют хорошее питание и алкоголь, курят хорошие сигареты – красота. Все довольны. В таких зонах огромное значение имеет личность смотрящего. Костяк в тюремном сообществе любой зоны по-прежнему принадлежал блатным, к какой категории, черной или красной, они бы не относились. Блатные, это высший, привилегированный класс в зоне, но кроме основательных льгот и привилегий они также придерживались весьма строгих правил и понятий. Кроме того, они управляли всем лагерным сообществом, а это дело не простое.

Самым многочисленным в лагере был класс мужиков, для «первоходов» это самая идеальная позиция; работай, не лезь к блатным, не играй в карты, языком лишнего не трещи и все будет хорошо. Люди везде люди, никто тебя по беспределу не тронет. Лучше конечно еще в СИЗО присмотреться и подучиться правилам и манерам поведения в лагере, учителя всегда найдутся.

Черная зона или красная Василий сразу понять не смог, да ему, в принципе, было все равно. Как говорили еще в изоляторе, молва о каждом доходит до зоны, куда его этапируют, быстрее чем он сам там окажется.

Так случилось и с ним. Все лагерное сообщество уже было наслышано о том, как он оборвал менту уши. Большинство это восприняли с одобрением и даже с восторгом. Так что встреча его с элитой лагеря прошла спокойно, а учиты-

вая, что он иностранец никто принуждать его к вступлению в мир блатных не собирался, предоставив ему самому возможность выбора. Уважение в сидельческой среде ему уже было гарантировано, когда он на «сборке» тусовался, еще до «Большого этапа». В отряде его тоже встретили радушно.

Пару раз опер пытался с ним поговорить, но понимания не нашел, махнул рукой и с легким сердцем от него отвязался, сделав пометку в его личном деле: «Грубых нарушений режима не допускает, замкнут, на контакт с администрацией не идет».

Глава 7

Начальник Белоярской Исправительно Трудовой Колонии общего режима, а попросту ИТК – У-501, полковник внутренней службы Медведев Валентин Иванович служил в этой ИТК так долго, что уже и не помнил когда он, будучи еще лейтенантом, появился здесь впервые. В те времена колония, как и все подобные учреждения, находилась в ведении МВД. Это потом уже появилась Федеральная Служба Исполнения Наказаний. Вот именно с того времени он и стал начальником этой колонии.

В следующем году у полковника кончался предельный возрастной срок и ровно 25 февраля, когда ему исполнится 60 лет, его будет ожидать приказ Директора ФСИН России об его отставке. Хотя и не таким уж большим было денежное содержание полковника внутренней службы, но уход на пенсию он воспринимал как огромную финансовую катастрофу семьи. Что уж греха таить, ведь кроме денежного содержания он, как руководитель учреждения, занимающегося к тому же производственной деятельностью в сфере глубокой переработки древесины, имел побочный доход и надо признаться неплохой. Уйдя же в отставку, он этого моментально лишался и кроме пенсии в 40 тысяч рублей ничего взамен бы не имел.

Все чаще неприятный холодок безысходности возникал у

него где-то глубоко внутри, стоило ему только подумать о безрадостной перспективе, и это происходило все чаще, время неумолимо.

Сыну оставалось еще два года учебы в Университете. Дочь, овдовевшая в позапрошлом году, с двумя малышами нигде не работала и практически сидела у них с супругой на шее. Супруга тоже уже почти пять лет была на пенсии, получая несчастных 15 тысяч рублей, которых едва хватало на оплату коммунальных услуг.

В общем, перспектива была безрадостная и ежедневно угнетала Валентина Ивановича своей неотвратимой реальностью.

Сегодня с самого утра по установившейся уже традиции он, в сопровождении старшего оперативного дежурного и главного инженера, пешком обошел жилую и промышленную зоны, мимоходом козыряя дежурным инспекторам и не обращая внимания на кланяющихся зэков. Провел планерку у себя в кабинете и только потянулся к рации, чтобы вызвать Уазик для поездки на лесосеку, как зазвонил сотовый телефон.

Звонил заместитель начальника областного УФСИН полковник Мусаев Ахмед Рашидович. Он был недавно переведен в Белоярск с Кавказа. Сразу по приезду в область купил трехэтажный дом в престижном районе города. На службу Ахмед Рашидович приезжал не на старом служебном «БМВ», а на новеньком черном «Мерседесе» премиум клас-

са, как бы подчеркивая свой статус весьма обеспеченного человека.

Учитывая, что сроку службы Медведеву осталось совсем уж с гулькин нос, с новым своим непосредственным начальником он старался тесно не сближаться, здраво рассудив, что это ему уже ни к чему.

После обычных приветствий и ничего не значащих вопросов, начальник велел ему никуда не дергаться, а ждать его, так как он уже к нему выезжает.

– Вот черт. И какого хрена ему в кабинете не сидится. – Сокрушался Медведев в ожидании начальника. С раздражением он убрал в шкаф термос с травяным чаем, так и не налив в свою персональную чашку, смахнул со стола невидимые пылинки, подровнял стопочку бумаг на краю стола. – Старею, наверное.

Опять вспомнилась грядущая отставка, дочь с внуками, больная жена которой врачи рекомендовали обязательно съездить на море. А на какие шиши теперь туда ехать?

Сквозь приоткрытое окно было слышно, как солидно шурша колесами, к парадному подъезду штаба подкатил иностранный лимузин, смачно хлопнула дверца. Через несколько секунд начальник молодцевато взбежал по лестнице на второй этаж, громко со смехом что-то сказал секретарше Лидочке, и даже не постучав, по-хозяйски шагнул в кабинет Медведева.

– Здравия желаю, товарищ полковник. – Вышел из-за стола Медведев.

– Здравия желаю, Валентин Иванович – Протянул руку начальник, как бы заранее приглашая к дружеской беседе, а не к официальному служебному диалогу – начальник, подчиненный. – У меня к тебе, дорогой Валентин Иванович, конфиденциальный разговор имеется, причем личного характера. – Начальник пристально, как бы изучающе и оценивающе, уставился на него и выжидающе замолк.

– Да, конечно. О чем разговор. Чем, как говорится, могу. – Засуетился Медведев.

– Да ты садись, разговор длинный будет. – Начальник словно вокзальный наперсточник внезапно выудил откуда-то из-под кителя бутылку дорогого коньяка «Хеннеси». – Стаканчики найдутся?

– Разумеется. – Валентин Иванович поставил на стол два граненых стакана и секунду подумав, вывалил горсть карамели в бледно-серой обертке купленной в лагерном магазине.

Хоть Валентин Иванович никогда и не пил такой статусный коньяк, все больше предпочитая водочку, однако сразу заприметил, что бутылка без фирменной пластиковой упаковки, а это значит, что Мусаев вытащил ее из собственного бара, собираясь к нему. И это слегка резануло самолюбие полковника. – Хорошо хоть не отпитая. – Подумал он, наблюдая как начальник, разливает коньяк.

Мусаев наполнил стаканы почти до краев.

– Как в подворотне. – Неприязненно отметил полковник.

– Ну, за ваше здоровье, Валентин Иванович, за здоровье ваших детей и внуков, за здоровье вашей уважаемой супруги, я слышал приболела она. Пусть все у вас будет хорошо.

– Благодарю, товарищ полковник. – Польщенный таким вниманием начальника стушевался Медведев. И одним махом опорожнил стакан.

Мусаев же наоборот медленно со вкусом, словно смакуя, но все же выцедил весь стакан.

– Хороший коньяк. Дорогой, наверное. – Заметил Медведев, вытирая ладонью губы.

– Если договоримся, каждый день будешь такой коньяк пить и меня добрыми словами вспоминать. – Поднял вверх палец начальник.

– Я вас слушаю, уважаемый Ахмед Рашидович. – Медведев очень внимательно уставился на Мусаева.

– У тебя француз сидит, Отто Шварц?

– Так точно. Сидит.

– Что ты о нем думаешь?

– Ну, я уже указывал в докладе.. – Начал было Медведев. Но начальник остановил его, подняв руку.

– Если бы мне нужно было его личное дело, то я так бы и сказал. Мне нужно твое личное мнение об этом человеке.

– У нас он находится уже почти месяц. В коллектив влился без всяких осложнений. К блатным не примкнул, скорее

мужик, правда на работу тоже не торопится выходить. Все время тренируется или во дворе, или в спортзале. Не очень разговорчив, от участия в Активе отказался наотрез. Много читает, можно сказать, завсегдатай библиотеки, заказал несколько книг на английском и французском языках. Если угодно сейчас уточню какие.

– Не стоит уточнять, ну читает и пусть себе читает. Ты суть его преступления знаешь, полковник?

– Ну да, ст. 112 УК РФ, ст. 213 УК РФ. – Начал было Медведев.

Но Мусаев жестом его остановил.

– Это все и без тебя мне известно. Ты не знаешь самого главного, полковник. Этот человек не только совершил эти преступления, он нанес обиду очень влиятельным и уважаемым людям. Такие оскорбления могут быть смыты только кровью.

– Я не совсем понимаю.

– Тот юноша, ну которому этот злодей уши оторвал с особым цинизмом, он никто иной, как мой племянник. Его фамилия Прохоров Александр Фархадович. Он сын моего родного брата, Мусаева Фархада Рашидовича, очень влиятельного и богатого человека у нас на Кавказе.

– Но он, вроде бы славянской внешности и имя.. – Начал было Медведев.

– У него мать русская. А имя дали в честь его деда генерала МВД СССР, героя Советского Союза.

– Вот оно как. Я этого не знал. Как же так получилось, что сын и внук таких уважаемых людей проходил службу сержантом в одном из РОВД Москвы?

– Он заочно учится в высшей школе МВД, так его дед захотел. Чтобы добиться в этой жизни все самому. Теперь понял? И у него было все хорошо, пока этот поганец, этот легионер, не нанес ему такого оскорбительного увечья. Теперь вся жизнь парня собаке под хвост. Ты это понимаешь, полковник?

– Сочувствую, товарищ полковник и вам и вашему брату. Только я пока не понял, чем я вам могу быть полезен. Пристрелить мне его, что ли, прикажете?

– Отдай его нам, полковник.

– Не понял? Каким образом? – Медведев ошарашенно глядел на своего начальника.

– А ты его пошли в город на какие-нибудь работы, ну не одного конечно, в составе какой-нибудь бригады, под конвоем естественно. А там уже не твое дело, мои люди все сделают.

– Так как, так-то? – Медведев до их пор искренне считал, что Мусаев его или проверяет, или шутит. – А потом я должен буду его место занять? – Мрачно пошутил он.

– А потом ты получишь сто тонн «гринов» и поедешь с супругой и внуками на море отдыхать. Ну, естественно, нужно будет инициировать служебную проверку, ведь формально это будет считаться побегом. Но председателем-то комиссии

буду я. Так что не ссы, все обойдется.

В это утро областной начальник УФСИН засиделся в кабинете начальника ИТК Медведева. О чем они там говорили, никому не известно. Правда, дежурный по ИТК видел, что водитель Мусаева уезжал куда-то, а потом, нисколько не скрывая, пронес в кабинет Валентина Ивановича две бутылки дорогого коньяка.

Глава 8

Последние осенние денечки радовали солнышком и теплом. Василий как всегда все свободное время, остававшееся после чтения книг и посещений библиотеки, посвящал тренировкам на свежем воздухе. Вот и сегодня после часовой пробежки по жилой зоне он занимался на перекладине, рассчитывая следующие полчаса потратить на занятие с гириями и штангой.

– Легионер, тебя Егор требует. – К нему обращался уже знакомый по СИЗО, дохляк.

– Чего надо, «Спица». – Соскочил с перекладины Василий. Вообще-то в миру, дохляк был Коля Спицин. Он получил «пятеру», за квартирную кражу, и это уже была его шестая ходка.

– Он мне не докладывает. – Улыбнулся Спица, обнажив три последних гнилых зуба. – Сходи, узнаешь.

Отказывать Егору было нельзя, он был смотрящим и чтобы не происходило в зоне, происходило или с его ведома, или являлось нарушением и строго каралось.

– Пойдем, они на лужайке. – Махнул рукой Спица и пошел не оборачиваясь, уверенный, что Легионер пойдет за ним.

Лужайкой назывался небольшой холмик, возле котельной на который «шестерки» натаскали больших сухих чурок, чтобы авторитетам было удобно сидеть. Тут же находил-

ся самодельный мангал, на раскаленных углях которого Филин жарил шашлык. Эта лужайка была удобна тем, что отсюда все просматривалось, и было невозможно незамеченным подслушать, о чем здесь говорят.

– Добрый день компании. – Поздоровался, подходя к лужайке, легионер. – День добрый, Егор.

– Садись, легионер. Разговор есть – Кивнул Егор, указывая на свободный чурбан. – Филин, подай легионеру «соточку».

Филин быстренько налил половину зеленой, эмалированной кружки теплой водки и протянул ему.

– Здоровья всем, братва. – Поднял кружку Василий и медленно выщедил, тут же подхватив горячий кусок мяса с полиэтиленового пакета, разостланного на стоящей посередине чурке заменяющей стол.

– Слушаю тебя внимательно, Егор.

– Тут сорока «маляву» в клювике принесла. – Усмехнулся Егор. – Тебя касается.

Егор был коренастый, средних лет мужчина, славянской внешности и говорят с неплохим образованием. Когда-то он учился в Университете и что характерно, именно на юридическом факультете, но потом что-то пошло не так, впрочем, толком этого никто и не знал, но первую ходку он мотал здесь же, по статье 105 часть 2 и получил он тогда 13 лет. Вторично Егор присел уже сознательно. Тогда ему инкриминировали ст. 162, разбой и тоже по второй части. Получил он тогда 8

лет. Вот тогда он и был замечен лагерными авторитетами и скоро стал там смотрящим. Третий раз, говорят, что он и не совершил ничего, а в зону пошел по решению сходки, чтобы навести там порядок. Порядок он навел, да так там и тормознулся, зона стала его образом жизни, он уже реальной жизни на свободе и не представлял. Да если разобраться, что такое свобода? Это каждый день с утра, сломя голову мчаться на работу, причем хорошо, если это работа хоть чуть-чуть тебе по душе. А если нет? Вот и мучайся до пенсии. А потом пенсия. Как само государство вполне официально обозначило этот период жизни каждого человека – «Период дожития». Очаровательно, правда? То есть пахал, пахал и вот тебе период дожития. Обнадеживающе, ведь, правда? Егор давно для себя все решил и теперь зона, заменяла ему все. В общем-то, Егор ничем в принципе от legionera не отличался, одному дом, семью и работу заменял Легион, а другому Зона. И каждый был своей судьбой, в общем-то, доволен и ни к чему большему не стремился.

– Ну, так что там случилось? – Усмехнулся Василий. – Мне уже надо начинать бояться?

– Ты помнишь того, кому уши оборвал?

– Так, в общих чертах. Мне безухие люди не нравятся, есть в них что-то незавершенное. Не люблю сюрреализм.

– Вот видишь, а он тебя не забыл и часто вспоминает.

– Может у него новые уши выросли?

– Ты знаешь хоть кто он такой? – Егор закурил и протянул

пачку сигарет Василию.

– Даже фамилию не помню. Я еще удивился, фамилия вроде русская, а вся родня черные, и отчество какое-то не славянское.

– Прохоров Александр Фархадович.

– Точно, Прохоров.

– Ты ему вместе с ушами, всю карьеру обломил. Парень собирался посвятить себя делу борьбы с преступностью, как его дед генерал МВД и герой Советского Союза. Учился в Москве в высшей школе МВД. А теперь куда ему?

– Ну да. Фуражка будет на глаза спадать, какая уж тут карьера.

– Я бы на твоём месте не хихикал. У него отец крупный делец на Кавказе, богатый, влиятельный и авторитетный. Есть еще два дяди и оба большие начальники. Один из них заместитель начальника нашего областного УФСИН Мусаев Ахмед Рашидович. Он сегодня к нашему хозяину приезжал, часов пять терки терли.

– Ну, так я-то здесь причем? Мне и так по максимуму дали. Выше Закона все равно не прыгнешь.

– Еще как прыгнешь. Плохо ты наших чиновников знаешь. Короче они хотят тебя купить. И, по-моему, уже купили.

– Как это?

– Скорей всего, тебя скоро под каким-нибудь предлогом вывезут из зоны. Все официально, ну к примеру, для ка-

ких-то работ, потом тебя умыкнут лихие люди, а будет объявлено что ты ушел на «рывок», на не запланированный побег. Вот и все.

– Я на работу же не хожу, Егор. – Развел руками Василий.

– Ну, скажем, в городскую больницу, к какому-нибудь специалисту узкого профиля.

– Ты че, смеешься? – Василий ткнул себя в грудь под всеобщий смех братвы. – Дистрофия? Или мышечная атрофия? – И сжал кулак.

– На, еще соточку прими, болезный ты наш. – Филин sunul ему наполовину наполненную водкой кружку.

Спица что-то шепнул на ухо Егору и приглашающе помахал рукой.

– Иди сюда.

К Егору несмело протиснулся «Косой». Худой, в чем душа держится зек, полностью оправдывающий свое погоняло, он был действительно косой. Уставившись на Егора он молчал, корча какие-то рожи и подавая не совсем понятные знаки.

– Ты говорить будешь или вату сюда жевать пришел? – Рывкнул Егор.

– Так это, – Косой несмело кивнул на легионера. – его касается. Информация точная и – Он обернулся, обвел присутствующих взглядом и понизив голос прошептал. – секретная.

– Ладно, пошли легионер, перетрем все в узком кругу.

Глава 9

– Отто Шварц, к хозяину. – Раздалось по громкоговорителю.

– Легионер, ты че глухой? Тебя к хозяину. Третий раз уж объявляют. – Спица удивленно похлопал его по плечу.

– Ничего. Подождут, мне некуда торопиться. – Усмехнулся Василий, напяливая на себя свитер. Он только что сделал десятикилометровую пробежку, принял душ и чувствовал себя превосходно. – С какого хрена я понадобился хозяину? Наверное, на волю отпустить хочет? – Подмигнул он Спицину. – Ладно, схожу.

Легионер не спеша, ловя на себе удивленные взгляды осужденных, направился к зданию администрации. Он уже знал, чем вызван интерес начальства к его персоне. Этот вопрос они вместе со смотрящим и приближенным к нему авторитетам еще вчера детально обсудили и приняли соответствующие меры. Теперь все зависело только от самого Легионера. Там за лагерными воротами, ему уже никто кроме него самого помочь не сможет.

– Осужденный Отто Шварц, статья..... – Начал было как обычно Василий.

– Хватит тараторить. – Прервал его полковник Медведев, махнув устало рукой. – Сейчас поедешь в город, в ФСБ. Там тобой интересуются, сам знаешь, наверное, по какой причи-

не. С тобой поедут двое инспекторов. Сейчас пойдешь к заму по БОР, он все организует.

– Никуда я не поеду. – Окрысился Василий. – По закону я не имею право покидать территорию зоны. Если им что-то надо, пусть сами приезжают. Если будете настаивать, я пожалуйюсь прокурору по надзору.

– Ишь ты, грамотный какой. А в ШИЗО не хочешь? Иди давай и не вякай. Прапорщик – Окликнул он. – Отведи его к заму по БОР.

Заместитель начальника учреждения по безопасности и оперативной работе подполковник Иващенко встретил Василия нерадостно. Мрачно уставившись на осужденного, он мысленно рассуждал примерно так же, как и Василий, да впрочем, как и любой здравомыслящий человек.

– С какого перепуга они должны вывозить осужденного за пределы зоны, где он отбывает наказание, по требованию какого-то капитана ФСБ. Он что, переломится, если сам сюда приедет? К тому же и бумаги официальной что-то он не видел. Хозяину, конечно, уже все глубоко по хер, он скоро на покой уйдет. А если что случится, кто отвечать будет? Конечно он – Зам по БОР. Кто же еще. Может самому с ними съездить? Но начальник, как назло, совещание назначил и просил быть в обязательном порядке. Ладно, хрен с ним, пусть едут. – Что стоите? – Рывкнул он. – Задача понятна?

– Так точно. – Подтвердил начальник конвоя старший инспектор Пустовалов.

– Выполняйте.

Через десять минут микроавтобус «Форд Транзит», пройдя все формальности необходимые в таком случае, миновал КПП и выехал на шоссе по направлению к городу.

Василий, свободно откинувшись на спинку заднего сиденья, куда его посадили конвойные, с интересом разглядывал мелькающий за окном ландшафт. До города по трассе было не более тридцати километров, эту информацию, он в числе прочей, получил вчера от бывалых сидельцев, умудрившихся побывать в этом лагере не один раз. Единственно, что мешало ему наслаждаться поездкой, так это наручники, больно стягивающие запястья.

– Командир, разреши закурить. – Милолюбиво обратился Василий к старшему инспектору.

– Кури, что я тебе пепельницу держать должен?

Василий поднял руки, показывая, что он не сможет достать из кармана ни сигареты, ни зажигалку.

– Подожди. – Инспектор добрался до заднего сиденья и сунул зажженную сигарету ему в руки. – Кури на здоровье.

Больше конвоиры на него внимания не обращали, полностью сосредоточившись на обсуждении своих проблем.

Василию только этого как раз и надо было. Бывалые сидельцы, иногда ездившие уже на этом микроавтобусе, знали, что осужденных всегда стараются усадить на заднее сиденье, это позволяло конвойным находиться на достаточно приличном расстоянии от осужденного и свободно, не опа-

саясь лишних ушей, вести свои разговоры и одновременно держать того в поле зрения. Так фактически и произошло. А это значит, что под сиденьем, находящимся впереди от Василия, с правой стороны будет приклеен ключ от наручников, а слева на скотче держалась небольшая, острая как бритва, заточка. Чуть сдвинувшись в сторону, Василий выждал, но видя что его движение не вызвало у охраны никаких подозрений, опустил руки под сиденье. Все нормально, как и было обещано. Через секунду ключ уже был в руках у Василия, еще несколько секунд и наручники сняты. Василий, стараясь не глядеть на руки, аккуратно засунул наручники в карман бушлата. Следующая процедура прошла также незаметно и бесшумно. Рев старенького «Форда» заглушил шелест скотча и через несколько секунд нож был у него в кармане.

За окном промелькнул километровый столб. Вовремя он все сделал, успокоился Василий, до стационарного поста ГИБДД оставалось ровно пять километров. Как предположил вчера Егор, захват Легионера должен был произойти именно на посту. Ну, во-первых, там нет посторонних лиц, во-вторых, «гаишников» проще уговорить, месть за мента для них святое дело, ну, а в третьих, они же все на крючке у начальства. Погрязшие во взятках и вымогательствах спорить с начальством не будут. Себе дороже.

Выждав еще минуту, Василий вдруг вскрикнул.

– О, черт. Сгорю сейчас.

– Чего там у тебя? – Обернулись конвоиры.

– Сигарета за бушлат упала и горит. – Мучительно скорчился Василий.

– Черт безрукий. – Проворчал Пустовалов и нехотя стал перебираться к Василию. Автобус мчался по трассе с приличной скоростью и передвигаться по микроавтобусу на ходу было весьма затруднительно.

– Где сигарета? – Склонился он над Василием, держась обеими руками за спинки сидений. Только сейчас, взглянув на его руки, Пустовалов осознал что попался. Наручников на руках зэка не было и холодный пот мгновенно выступил на лбу конвоира когда их глаза встретились.

– Где?... – Хотел сказать Пустовалов.

Резкий короткий удар, даже не удар, а тычок в солнечное сплетение, заставил его подавиться. Несколько секунд он не мог вдохнуть, только таращился выпученными глазами на Василия. Судорожно сжимающимся легким требовался хоть глоток свежего воздуха. Василий, словно пожалев конвоира, освободил его от мучившего удушья, нажав указательным пальцем на пульсирующую точку на его шее. Закатив глаза, тот медленно повис на руках у Василия.

– Командир, что это с ним? – Крикнул Василий ничего не понявшему напарнику. – Пить меньше, наверное, надо. Забери его, он же меня задавит, кабан такой.

– Коля, стой. – Крикнул тот водителю, пробираясь к заднему сиденью.

– Что там случилось? – Обернулся водила, однако ско-

рость не сбавил.

– С Серегой плохо. Он с утра что-то за сердце хватался.

– Надо было похмелиться, сколько уже магазинов проехали. – Назидательным тоном пояснил Коля, прижимая автобус к обочине.

Дальше все произошло, как и планировалось, то есть «без сучка и задоринки». Конвоирами были инспектора, осуществляющие контроль, за осужденными внутри жилой зоны, поэтому огнестрельного оружия при них быть не могло по закону. Не имели они и возможности получить оружие для конвоирования, так как поездка была не запланированная и время для получения оружия, просто не было. Поэтому конвой ограничился спецсредствами; резиновыми палками, электрошокерами и газовыми баллонами. Что само по себе было сущей ерундой для такого профессионала, каким был легионер. Через минуту уже все поголовно конвоиры, включая и водителя Колю, были мгновенно обездвижены и находились в полной потере сознания в результате тупой травмы кто головы, кто в область сердца, водителя Колю пришлось ударить в шею в область сонной артерии, очень болезненная травма.

Найденной под водительским креслом веревкой, Василий надежно связал всех охранников, заклеил им скотчем рты, благо и тот нашелся в бардачке запасливого водителя.

Закурив хорошую сигарету, тоже позаимствованную у Коли, Василий не спеша обдумывал дальнейшие свои действия,

одновременно внося коррективы в намеченный накануне план, с учетом изменившихся обстоятельств.

Поскольку он предпринял контрмеры до поста ДПС, – Ду-мал теперь Василий – тем самым сократив число противников не менее чем на половину, это конечно был плюс. Но что дальше? Если продолжить движение автобуса дальше, как они и планировали, то придется этот пост проезжать и сделать это незаметно не получится. Тем более, если их предположения были правильными, то всяко-разно их там должны ждать. Оставались только варианты; назад на автобусе или в лес пешком, но был и третий на попутке вперед и он казался Василию более удачным и безопасным.

Загнав машину в придорожную рощицу, Василий, не спеша обшманил пленников, изъяв самое для него необходимое и ценное; часы Пустовалова надел на руку, прихватил его же портмоне, для удобства запихнув в него все деньги и карточки, какие только нашел у всех троих. Чтобы создать видимость не празднующего, а спешащего по своим делам человека, закинул на плечо спортивную сумку, валяющуюся без дела в кабине водителя, и вышел на автотрассу, предварительно замкнув двери автобуса на ключ.

Долго голосовать ему не пришлось. Буквально второй автомобиль, перед которым Василий поднял руку, остановился. Это была фура с тягачом «Вольво».

– Далеко едешь, отец? – Весело поинтересовался бело-брысый пацан, сидящий за рулем этой громадины.

– До города, сынок, довезешь?

– Довезу. Садись батя, садись.

И очень удивился, когда Василий одним прыжком заскочил в высоченную кабину тягача.

– Ну, ты батя даешь. Прям как молодой. – Завистливо фыркнул пацан, поглядывая на Василия. – Спортом, наверное, раньше занимались?

– Было дело. – Улыбнулся Василий. – Был и я когда-то молодым и красивым. Ты куда, сынок, путь держишь? Если не секрет.

– Да какой секрет, в Минск. В Беларусь еду.

– Значит, по объездной поедешь?

– Конечно. Что мне в городе делать.

– Ну, тогда меня в Сосновке и высадишь. Годится?

– Да легко. – Кивнул головой разговорчивый водитель.

Справа впереди показался стационарный блок-пост ДПС. На площадке стояла служебная «Ауди» с включенными проблесковыми маячками, чуть в сторонке были припаркованы еще два автомобиля; черный легковой «Мерседес» и автобус такой же марки.

– Вот это, видимо, за мной. – Усмехнулся в душе Василий. – Только хрен вам. Ищите ветра в поле.

Глава 10

После производственного совещания, когда начальник ИТК уже собирался, по давно сложившейся традиции, испить травяного чайку, и уже было потянулся к старенькому китайскому термосу, раздался телефонный звонок. Глянув на экран смартфона, Валентин Иванович чертыхнулся, звонил полковник Мусаев.

С первых слов стало понятно, что начальник чем-то раздражен и своего недовольства, скрывать не собирается.

– В чем дело, полковник? Мы же договорились. В каком свете ты меня выставляешь перед уважаемыми людьми?

– Я вас не понимаю, Ахмед Рашидович. – Сердце у Медведева упало куда-то вниз и вдруг зачастило с перебоями, да так, что он мгновенно покрылся липким потом, руки затряслись и подступила такая слабость, что хоть ложись и помирай. Предчувствие уже подсказывало – Случилась беда.

– Где твой легионер, мать твою? Ты что, решил со мной шутки шутить? Да я тебя без пенсии оставляю, ты у меня сам в зону пойдешь.

– Не понимаю? Как договаривались в 10:00 осужденный Отто Шварц в сопровождении двух инспекторов отбыл, как и положено. Мой зам по БОР лично проследил. Я думал, что все уже решено. Честно говоря, я ждал вашего звонка, но с несколько иной информацией.

– Не было твоего автобуса. – Несколько сбавив тон, проворчал начальник. – Разберись и держи меня в курсе.

– Этого только не хватало. – Где-то в глубине души Медведев все еще надеялся, что ничего сверхординарного не произошло, ну могла же, в конце концов, машина сломаться и тут же сам себя опровергал, так позвонили бы. Нажав клавишу селектора крикнул:

– Люся, вызови ко мне срочно зам по БОР.

Медведев представил самое худшее, что могло произойти, и снова похолодел. – Черт, перед самой пенсией такой прокол.

– Вызывали, товарищ полковник? – Заглянул Иващенко.

– Заходи. – Начинал злиться Медведев. – Никому ничего поручить нельзя. Правильно говорил Наполеон: «Если хочешь сделать что-то хорошо, сделай это сам». Где Отто Шварц, мать твою? Неужели нельзя было вовремя доставить и доложить?

– Так уехали они вовремя. Все путем. В чем проблема-то? – Иващенко удивленно развел руками. – Сейчас позвоню Пустовалову и все выясню. Машина исправна, Колька тоже в норме. Что-то никто не отвечает, – пожал он плечами. – Позвоню попозже.

– Ты не звони. – Взъярился полковник. – Хватай вон мой Уазик и давай ищи. Позвонит он. Совсем оборзели, «Мать твою».

Пока неуклюжий и медлительный зам по безопасности и оперативной работе ИТК организовывал поиск, давал инструкции и вводные, прошло немало времени.

Гораздо более оперативными и плодотворными оказались действия полковника Мусаева и его людей. Ну, во-первых, зам начальника областного УФСИН был более самостоятельный в своих решениях и действиях, во-вторых, более лучше, технически оснащен, ну и кроме всего прочего он имел преданных людей в своем окружении, которых привез сюда, в Сибирь, со своей малой родины. И они ему служили отнюдь не только из-за чувства долга и соблюдения должностных инструкций.

Не прошло и часа, как ему позвонил капитан Каримов и сообщил, что «Форд» найден, машина закрыта на ключ, но по всем признакам внутри находятся люди.

– Жди меня. – Буркнул Ахмед Рашидович. – Обеспечь охрану, никого к машине не подпускать.

Пока его «Мерседес», плавно покачиваясь, стремительно летел по трассе, в мозгу Мусаева созрел и сформировался план. Он отдавал себе отчет, что побег осужденного, тем более иностранца, наверняка вызовет интерес не только службы собственной безопасности, но и ФСБ, а может даже и Контрразведки МО. Все причины, по которым осужденный оказался за воротами лагеря, были ни на чем не основаны, просто потому, что никто ни куда осужденного не вызывал. И этот, якобы вызов в ФСБ, был придуман самим Мусаевым

чтобы выманить осужденного за пределы зоны не вызвав подозрения у осужденных. И вот на тебе, такой прокол. Мусаев нисколько не сомневался, что когда начнется серьезная проверка причин, по которым осужденный Отто Шварц оказался там, где находиться не должен и кто дал на это команду, никто из руководства зоны скрывать ничего не будет и все ниточки, в конце концов, приведут к нему, полковнику Мусаеву. И даже если удастся найти общий язык с начальником ИТК и его замом, то есть еще промежуточное звено – конвой, уж они-то молчать не будут и все выложат как на блюде. А если поступить вот так? Быстро все просчитав, из машины Мусаев выходил уже с готовым планом.

– Каримов. – Подозвал он капитана. – Открывай, переговорим с ними, узнаем, что им известно. Только быстро, времени нет. Потом, пока люди Каримова занимались с автобусом, отвел того в сторону и минут пять о чем-то ему говорил, причем в резкой и категорической форме как и принято на Кавказе, жестикулируя и размахивая руками.

Один за другим, пошатываясь и разминая руки и ноги, выходили из автобуса незадачливые конвоиры, ставшие жертвами своего же пленника. Увидев областного начальника, они вконец стушевались и стояли опустив головы, боясь даже поднять глаза.

– Что произошло? – Рывкнул полковник и уставился на старшего по званию.

– Он нас вырубил. – Прошептал Пустовалов, не смея по-

смотреть в глаза начальнику. — Он же этот, как его, легионер. Ему убить человека раз плюнуть.

— Но вы же живые? — Свирипел полковник. — Что-то он вас не грохнул. — Что он говорил, может куда-то собирался? Кто еще был в курсе, куда и зачем вы его везли?

— Ничего он не говорил. Куда собирался, не знаем. Нам задачу поставил лично товарищ полковник, Валентин Иванович.

— Зам по БОР в курсе дела?

— Не знаем. Нам, во всяком случае, это не известно. Во время инструктажа пост ДПС он тоже не упоминал и ничего на эту тему не говорил. Валентин Иванович нас предупредил, что это задание абсолютно секретное и просил никому об этом не говорить.

— А вы? Кому-нибудь об этом говорили?

— Нет, товарищ полковник. Лично я всегда выполняю приказы командиров и начальников.

— А вы? — Мусаев пристально взглянул на остальных.

— Не... — Замотали оба головами. — Никому.

Мусаев повернулся и молча пошел к «Мерседесу». Позади его внезапно хлопнул глухой выстрел, потом еще и еще.

— Поехали в ИТК — У-501 — Захлопывая заднюю дверцу, бросил Мусаев своему водителю.

В этот раз, два полковника, за закрытыми дверями кабинета Медведева, пили не статусный «Хеннесси». Они пили

то, что нашлось в запасниках Валентина Ивановича, попросту говоря, водку. Причем даже такой сноб и восточный аристократ как Ахмад Рашидович нос не воротил, а хлебал ее родимую, не морщась и не закусывая.

– Сбежал твой легионер. – Обреченно процедил он сквозь зубы, снова наливая себе водки. – Как такое могло случиться, что он еще и конвоиров твоих грохнул? Экспертизы еще не было, но очевидно, что стреляли из «ТТ». Как у него мог оказаться пистолет? Боевой пистолет в зоне, ты себе это как представляешь, полковник?

– Не знаю. Давайте не будем с выводами торопиться. Много еще непонятно.

– Не торопиться? Потом поздно будет. Когда сюда, – он постучал пальцем по столу. – приедут «гестаповцы» из службы собственной безопасности, что ты тогда говорить будешь? Ну, давай, расскажи, что ты хотел мне их продать, за сто штук баксов. Думаешь тебе кто-нибудь поверит? Сейчас. – Мусаев нервно закурил сигарету. – На шконку, в Нижний Тагил парашу нюхать, вот куда ты поедешь, а не на черноморский курорт с супругой. А от туда прямиком, на казенное кладбище без почестей и салютов, как подохшая собака.

– Зачем вы так, товарищ полковник. Я же все понимаю. Что делать-то будем?

– У тебя водитель на «Форде» вольнонаемный?

– Да. Коля Паршин из вольнонаемных. Работал хоть и недавно у нас, но замечаний к нему не было. Спецпроверку

проходил, вполне лояльный парень.

— Ну откуда ты знаешь? Что я не знаю, как спецпроверка в нашей системе проводится. Знаю. Теперь надо все на него валить. Был в сговоре с Отто Шварцем, воспользовался случаем, передал тому «волыну». Ну, а тот чтобы не платить грохнул и его. Этот легионер, он же отмороженный на всю голову, ему человека убить, как мне рюмку водки выпить. — И словно подтверждая свой тезис, Мусаев одним махом опорожнил стакан. — Запомни: «Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее верят». Доказать это будет все равно невозможно, поэтому эта версия, скорее всего только версией и останется. Но главное, что мы останемся чистыми. Понимаешь? И ребят твоих аттестованных, с почестями закопают, как погибших при исполнении и пенсии по потере кормильца семьи получать будут. А на поиски Легионера этого, МВД и другие спецслужбы все силы бросят. А ты знаешь, как происходит задержание таких сволочей? На поражение и все. Так что лично он, для нас опасности никакой не представляет. Жаль конечно, что мы с ним сами не успели разобраться. Но как говорится «Еще не вечер». Мои люди тоже его искать будут. Не переживай, полковник. Все образуется. Вот я тут тебе в качестве утешительного бонуса. — И Мусаев положил на стол небольшой сверток. — Я всегда соблюдаю условия договора.

Глава 11

– Сосновка отец. Приехали. – Веселый шофер, всю дорогу болтавший без умолка, вывел Василия из мрачных размышлений. С неохотой он покидал уютную кабину шведского тягача и гостеприимного водилу Толика, который наотрез отказался брать с попутчика деньги.

– Не надо, отец, самому пригодятся. Пенсия-то, поди, не ахти? Будь здоров, не болей. – И помахав Василию рукой, покатиł дальше наматывать километры на колеса своего большегруза.

– Хороший парнишка. – Отметил в душе Василий, озираясь по сторонам. Ему нужна была улица Советская дом 67. По этому адресу, как заверил сам Егора, его должен будет ожидать старый вор, уже давно отошедший от дел, по имени Трифон. Егор, правда, не пояснил ему то ли это настоящее имя, то ли производное от фамилии Трифонов, да это Василия не очень-то и интересовало, а уточнять он не стал.

Советской улицей оказалась как раз та, на которой Василий и стоял, да и до дома идти было совсем недалеко, и минут через десять, он уже был возле добротного двухэтажного бревенчатого дома, крытого ярко красной металлочерепицей.

Калитка в высоченном заборе мгновенно открылась, стоило ему только к ней подойти, как будто кто-то специально

подждал его, поглядывая в окно.

Маленький, сморщенный старичок пристально смотрел на него своими выцветшими слезливыми часто мигающими глазками из-под кустистых, совершенно белых, бровей.

– Ищешь кого, мил человек?

– Мне бы с Трифоном поговорить? – Улыбнулся Василий, еще не веря, что Трифон и есть этот «замшелый пенек».

– Ну, так говори. Трифон это я.

– Я от Егора.

– Легионер, значит?

– Да, легионер.

– Ну, проходи, мил человек. Мы гостям всегда рады, особенно если они от Егора.

Пройдя через весьма большой и ухоженный двор, Василий следом за Трифоном поднялся на высокое крыльцо, миновал веранду и зашел в дом. Несмотря на то, что это была скорее деревенская изба, чем городской коттедж. Внутри все было обставлено очень даже по-городскому; дорогая мебель, современная, лучше даже чем он видел в Европе, телевизионная и компьютерная техника. На одном из трех мониторов, висевших на стене, Василий увидел участок улицы, на втором калитку, через которую он только что вошел в этот дом. Ему сразу стало понятно, как дед с такой точностью распознал в нем человека, направляющегося к его калитке.

– Здесь в день человек десять, может, пройдет и то хорошо, а метров еще за 50 до моей калитки у меня сигнал трево-

ги раздастся – Усмехнулся старик. – Присаживайся, мил человек, закуривай. Может чайку, хочешь, или что покрепче?

– Давай чего-нибудь покрепче, знаю я ваш чаек. – Усмехнулся Василий.

Он представил кружку горячего варева, в которое на полкружки кипятка, клали почти пачку индийского чая, все это варили и потом, передавая друг другу, по очереди глотали этот густой горький напиток, называемый чаек или по блатному «чифирь». Василий пробовал его один только раз, и до сих пор вспоминает, как бешено, стучало в висках, дикие спазмы в желудке, подступала тошнота. Как не мог он потом уснуть, почти до утра ворочаясь на своей шконке. Нет, не привычный был Василий к такому чайку, вот водка, а еще лучше виски, это другое дело.

– Есть и вискарь. – Словно подслушав его мысли, проворчал Трифон. – Проходи на кухню, мой руки. – И набросил на плечо Василию, невесть откуда взявшееся, махровое полотенце.

Старик щедрой рукой налил в граненые стаканы виски. Приятно удивив Василия. Виски был хоть и не дорогой, но настоящий, Ирландский «Святой Патрик». Еще больше удивился он, когда старик, не дожидаясь Василия, одним махом жахнул почти стакан не разбавленного вискаря и ничем не закусывая, только лишь закурил сигарету и сразу же снова наполнил стаканы.

– Давай пей, ешь, отдыхай; ночью тебя проводят. В тайге

тебя надо от глаз посторонних спрятать. – Старик смотрел на Василия ясными глазами, словно и не пил вовсе.

– Зачем в тайгу? Меня здесь никто не знает. Егор говорил, что можно документы сделать.

– Документы, можно хоть на Мурку вон сделать – он кивнул на рыжую кошку, внимательно следившую за ними. – Толку-то что. Я тебе что, пластику делать буду? Завтра на каждом заборе твоя рожа висеть будет. Тебя братва, конечно уважает. Поэтому и пошли тебе на встречу. Что, думаешь каждому побегушнику, сюда дорога есть? Нет. Эта хата не для каждого. И документы бы тебе справили, а надо, то и за бугор дороги имеются. Но теперь это невозможно.

– Но почему? Что изменилось? Я все делал, как мы с Егором договаривались.

– Он тебе не давал добро на трех «жмуров». – Сверкнул глазами Трифон.

– Каких «жмуров»? – Обалдевший Василий уставился на Трифона. – Я никого не убивал. Просто вырубил, связал, и все.

– У автобуса нашли три трупа, их уже опознали. Это твои конвоиры и шофер, все расстреляны из пистолета «ТТ». Ты где, Легионер, волюну-то взял?

– Не было у меня никакой волюны Трифон, я их и руками-то так, в полсилы, лишь бы отрубить. Зачем мне их убивать, сам подумай?

– Что мне думать. Тебя ищут все – и менты, и те, кому

ты на хвост наступил. А это какая-то то ли кавказская, то ли азиатская ОПГ, короче, они к воровскому миру никакого отношения не имеют, отморозки и крыша у них на самом верху в их республике. Так что спрятать я тебя спрячу, из уважения к Егору, но дальше сам. Я ребят из-за тебя подставлять не буду. Это не наша война. Если ты говоришь правду, то кто же тогда этих ментов прижмурил? Ладно, ешь, отдыхай, на втором этаже тебе место отведено. Сам найдешь. Мне идти надо. Я скоро.

— Есть Василию, сразу же расхотелось. Выпив остаток виски, покурив, он пошел искать, где бы прилечь. То ли после нервного дневного перенапряжения, то ли от стресса, полученного после слов Трифона, но спать хотелось и найдя на втором этаже большой кожаный диван он завалился на него, не забыв накинуть на себя, лежавший тут же, клетчатый флисовый плед.

Провалившись в темноту тревожного сна, Василий не слышал ни как вернулся Трифон, ни то, что вернулся он не один, а еще с двумя фигурантами, одним из которых была женщина.

Мужчина, пришедший вместе с Трифоном, был примерно такого же возраста, что и сам хозяин. Абсолютно голый череп и кустистые седые брови, все зубы во рту у него были то ли золотые, то ли как будто золотые. Синева, покрывающая запястья и почти все пальцы, свидетельствовала о том, что

молодость, а может и детство, этот могучий старик провел не в пионерском лагере и не в студенческих стройотрядах, а скорее всего в местах не столь отдаленных. Родители, его в детстве называли Коля, так как именно это было написано на его руке. Девушка, пришедшая с ними, конечно, могла быть кому-нибудь из этих аксакалов внучкой, но только по возрасту. Невысокая, стройная, она скорее напоминала американскую артистку Анджелину Джоли, чем родственницу этих вымирающих динозавров. Оба старика, в отношении девушки были очень уважительны и даже почтительны. Все трое пройдя на кухню, вели себя так, как будто они соседи по коммунальной квартире. Девушка молча поставила на газовую плиту турку, готовясь сварить только для себя кофе, потом вынула из буфета бутылку ликера «Самбука». То, как она это проделала, говорило о том, что здесь она не первый раз и знает наверняка, где и что стоит. Лысый тоже молча достал бутылку водки и налив в стакан, уже стоящий на столе, медленно сквозь золотые зубы вытянул, не морщась, содержимое, потом закурил сигарету оборвав на ней фильтр и снова налил в стакан. Трифон на правах хозяина колдовал у второй конфорки, заваривая свой любимый напиток – чаек.

Глава 12

– Слушай, Степан. – В офис детективного агентства вошел мрачный Коршунов. – А мы не могли бы уже, наконец, расторгнуть договор с этой ненормальной клиенткой?

– Ты, Федор Семенович, имеешь в виду мадам Петухову? – Улыбнулся Дорохов, отвлекаясь от компьютера.

– Ее голубушку, именно Ольгу Петровну Петухову я и имею в виду – Усмехнулся мрачно Федор. – Ну, задолбала она совсем, своей ревностью, мы про ее бедного мужика уже практически все знаем; где бывает, с кем встречается, что пьет, что ест и даже когда в туалет ходит. Ну не изменяет он ей, не изменяет. Чего она добивается?

– Но деньги же она нам систематически перечисляет, а мы ей отчеты о проделанной работе. И неплохие деньги, заметьте, очень неплохие. Это и есть наша работа, дорогой Федор Семенович. Садись лучше, кофейку выпьем.

– А давай лучше что-нибудь другое выпьем. Коньячку, например. – Федор устало опустился на стул. Надоело уже за этим придурком, шпионить и подглядывать. Сил моих больше нет.

– А вы знаете, – Вдруг подал голос профессор, откатываясь на кресле от стола. – есть хороший способ отделаться от мадам Петуховой и при этом еще и заработать на ней.

– Интересно. Продолжайте, профессор. – Федор повер-

нулся к Алексею Ивановичу.

– Вам не кажется, что мадам Петухова сама не без греха? А на муженька специально бочку катит, чтобы от себя подозрение отвести.

– Вроде как нападение, лучший способ обороны?

– Ну да.

– А что, это интересно. И что дальше?

– Устраиваем за ней слежку, находим компромат и шантажируем, намекнув, что мы выполняли на нее заказ. Об инициаторе, естественно, мы говорить не можем, так как, обязаны хранить тайну.

– А если это все зря? Ну, вдруг она верна своему мужу, не зря же она так его ревнует? Любит, наверное?

– Я вас умоляю, полковник. Вы до сих пор живете в мире каких-то домостроевских иллюзий. Вы на нее посмотрите – хищница, обольстительница, роковая женщина, вамп, для нее флирт это обычное, нормальное состояние. Вы что, до сих пор этого не почувствовали? Ну, вы меня удивляете. Экий вы батенька, сухарь.

– Ладно, психолог. – Надулся Федор. – Если ты такой знаток женщин, давай ухлестни за ней, а я это зафиксирую, вот тебе и факты.

– Во-первых, это будет провокация, а во-вторых, не такой уж я бездуховный подлец, чтобы играть на искренних чувствах честной женщины. Кстати, видит бог, не я первый предложил коньячку выпить. – С этими словами профессор

извлек из своего стола початую бутылку «Хеннесси».

Давно уже утихла в городе шумиха, вызванная расследованием последнего серьезного дела, под кодовым названием «Домик у моря». Уже недели две детективы «Агентства 404» откровенно скучали. Мелкие заказы, вроде слежки за несчастным муженьком выше упомянутой мадам Петуховой, конечно, были необходимы для пополнения бюджета компании, но морального удовлетворения не приносили.

Профессор каждый рабочий день начинал с глубокого и обширного изучения и анализа всех преступлений, происходящих в области, в надежде зацепиться за что-нибудь знакомое, публичное и общественно-резонансное.

Вот и сейчас, после того как коллеги выпив по первой и попивая кофе стали обсуждать местные новости, Алексей Иванович, изредка поглядывая на монитор своего компьютера, вдруг воскликнул:

– Ты посмотри сволочь какая, трех человек грохнул, мерзавец, и смылся. – Профессор повернул монитор, чтобы друзьям легче было увидеть крупный портрет преступника. – Розыск объявили. Как же, сидит и ждет. Он уже давно, наверное, из области убрался.

– Кто он? – Коршунов и Степан с интересом уставились в монитор.

– Иностранец. Какой-то Отто Шварц из Франции. Осужден по ст. 112 и ст. 213 УК РФ.

– Телесные повреждения и хулиганка. – Констатировал

Степан. – Так, баклан какой-то. С какого перепугу он на мокруху-то пошел? Непонятно.

– А знаете, мне его физиономия очень знакома почему-то. Где-то я его определенно встречал. – Коршунов задумчиво вглядывался в черно-белую тюремную фотографию уже пожилого и, видимо, повидавшего жизнь человека. – Нет, точно, я его знаю. – Федор поднял налитую рюмку. – Надо про него все выяснить. Ты сможешь? – Он посмотрел на профессора.

– Все, что есть в сетях о нем, все выудим. Уверен, что знаешь?

– Сто процентов! Он же сейчас в Федеральном розыске, ты можешь о нем получить информацию от Мещерякова? – Федор повернулся к Степану.

– Конечно. Ты что так разволновался? Прямо сейчас и позвоню.

– Лучше съездить бы.

– Да, если будет необходимо, съезжу на такси. Мы же выпили.

– Я давно говорил, что надо шофера нанять. – Проворчал профессор и потянулся за бутылкой.

– Сопьешься тогда быстро. – Усмехнулся Степан, набирая номер телефона Николая Андреевича.

Всю следующую ночь Коршунов не смыкал глаз, только под утро, после почти стакана коньяку, все-таки сон его смо-

рил. Приняв душ и ограничившись чашкой холодного кофе, на работу он пошел пешком, оставив машину у подъезда. Ну, во-первых это было недалеко, во-вторых болела голова, и Федор рассудил, что прогулка ему не помешает. Кроме того, большая доза алкоголя выпитого три часа назад, могла сыграть с ним злую шутку.

Лицо вчерашнего французского преступника, убившего трех сотрудников ФСИН, назойливо преследовало его и он, теперь уже почти уверенно, мог утверждать, что встречался с ним раньше. Только вот где и когда?

– Опаздываете, полковник. – Оторвавшись от монитора, с ухмылкой встретил его профессор. – С вас бутылка за оказанную услугу.

– Ты что, правда, что-то на него нарыл? – Опешил Федор. Он никак не мог понять, как это Алексей умудряется выуживать из сетей такую информацию, которой в свободном доступе нет и быть не может.

– Кое-что есть. – Загадочно улыбнулся профессор. – Вот, смотри.

На мониторе было несколько фотографий разной возрастной категории, но одно было бесспорно, на всех фото один и тот же человек.

– Вот смотри, это самая первая фотография Отто Шварца, где-то начала 90-х. Судя по всему, сделана она в Москве. – Профессор ткнул пальцем в монитор. – Видишь, это же здание ФСБ.

– В то время оно называлось КГБ. – Усмехнулся Федор. – А это – он пощелкал ногтем пальца по монитору – Васька Шатров. Мы с ним вместе учились в школе КГБ. Теперь я его узнал. Да, это он.

– Кого это ты узнал? – В кабинет ввалился Дорохов, на ходу снимая с себя куртку и шарф. – Я смотрю ты сегодня на своих двоих?

– Да прогуляться решил.

– Так кого ты узнал-то? – Усаживаясь в кресло и закури-
вая, напомнил Степан.

– Да вот, коллега мой из прошлой жизни нарисовался. – Федор кивнул на монитор компьютера. – Василий Шатров, отчество я, конечно, не помню, да это и не поощрялось. Всем присваивались псевдонимы. Да я его с тех пор больше и не видел, у нас ведь встречи выпускников не практикуются, сам понимаешь.

– Интересно. Я тут тоже кое-что у Мещерякова выпро-
сил. Давайте посмотрим. – Степан бросил на стол профессо-
ра карту памяти.

Примерно через час, а именно столько времени потре-
бовалось, чтобы просмотреть все материалы по делу Отто Шварца, коллеги с жаром принялись обсуждать их и со-
шлись, что в них присутствует какая-то недосказанность и
неопределенность.

Степан, как профессионал, весьма сожалел, что суд до

конца не установил личность обвиняемого, посчитав видимо это не актуальным и второстепенным. Из материалов дела было видно, что Отто Шварц был завербован во Французский Иностранный Легион в начале 90-х. и по его просьбе ему была заменена фамилия.

Ранее он именовался Куртом Штраубе, судимостей не имел и в розыске не числился. Прослужил Отто Шварц в Легионе более двадцати лет, участвовал во многих войнах и боевых операциях по всему миру. Получил тяжелое ранение в Ираке и был комиссован военно-врачебной комиссией на гражданку. Получал от правительства Франции пенсию, в размере две тысячи Евро. Владел многими языками, в том числе русским, причем в совершенстве.

– Интересный тип. Так ты утверждаешь, что он твой знакомый Василий Шатров? – Спросил Степан, закуривая очередную сигарету.

– Вне всякого сомнения. – Кивнул Федор. После окончания школы КГБ нас, уже офицеров госбезопасности, отбирали на специальные курсы. Выпускники этих курсов пополняли штат 13-го отдела.

– Что это за отдел такой? – Заинтересовался Степан. – И когда его создали?

– Ну, когда создали, это вон тебе Леша быстрее скажет. Знаю, что он существовал еще при ГРУ МГБ СССР и занимался вроде 5-й колонной, ну еще, вроде, еврейским вопросом, точно не помню. Но вот в мое время, отдел занимал-

ся диверсионной деятельностью и физическим устранением неугодных. Попросту говоря, в задачи отдела входили убийства, террор и другие акции устрашения и возмездия. Потом, когда двое офицеров перебежали на вражескую сторону, ну вы понимаете, о чем я говорю, – Коршунов обвел взглядом притихших коллег. – Отдел был ликвидирован, но не надолго, весь штат был передан вновь сформированному 8-му отделу управления «С».

Базировался отдел «мокрушников» в Балашихе. Где точно, я не знаю. Вот туда, опять же по неточным данным и был прикомандирован Васька Шатров. Больше мы с ним никогда не пересекались. Сами понимаете, полнейшая тайна, ведь операции проводились как за рубежом, так и внутри страны. Контингент в отделе был неоднозначный, очень охраняемый и засекреченный. Кстати, Балашихинский учебный центр действует и сегодня, только называется по-другому. Сейчас это школа управления по борьбе с терроризмом.

– Неужели они убивали и своих соотечественников? – Изумленно округлил глаза профессор.

– Алексей Иванович, вам ли корчить из себя праведника? – Коршунов указал на него пальцем. – Это не вы ли, участвовали в ликвидации отморозка по прозвищу «Дрын»?

– Ну, так это отморозок, сам же говоришь. Грабитель, убийца.

– А ты думаешь, кого приходилось ликвидировать агентам 8-го отдела управления «С»? Добропорядочных гражд-

дан? Отнюдь. Физическое устранение применяли только тогда, когда эти люди создавали угрозу не только человечеству, но и боеспособности или экономике нашей страны, безопасности обществу. С виду эти люди могут выглядеть весьма респектабельными и законопослушными. Большинство из них занимали крупные посты, но оказались предателями и тогда их карали. Представь себе, что в твоём подъезде живет пожилой пенсионер, его все уважают, с ним вежливо здороваются. Персональный пенсионер с холёным властным лицом, привыкший командовать и повелевать. И вот он внезапно, скоропостижно умирает. Мало ли что бывает. Никому и в голову не придет связать его смерть с таким событием, как например появление накануне во дворе незнакомого пожилого человека очень располагающей наружности. Он случайно зашел в этот двор в поисках приятеля, с которым они служили на флоте. Посидел с пенсионерами, постучал с ними костяшками домино, воспользовавшись случаем, предложил выпить и незаметно всыпал яд отложенного действия. Вот и все. Человек, дня через три, почувствовал себя плохо, может даже скорую успел вызвать, только толку-то. Он был уже обречен, когда выпил рюмку с тем ядом.

– Очень вовремя сказано. – Профессор отодвинул от себя рюмку. – Ты же тоже там учился?

Глава 13

Почти сутки понадобилось группе капитана Каримова, чтобы выяснить, каким образом Отто Шварц покинул то место, где был обнаружен микроавтобус «Форд Транзит» со связанными по рукам и ногам охранниками. Правда то, что они были связаны веревкой, нигде не фигурировало, официальная версия – убиты.

Невзирая на то, что делом занимался следственный комитет, а оперативное сопровождение осуществляла служба собственной безопасности МВД, так распорядился областной прокурор, группа Каримова осуществляла поиск Шварца на свой страх и риск и, как видно, весьма успешно.

Очень быстро определив примерный временной промежуток, когда он покинул автобус, а им это было сделать гораздо проще, так как только они знали, что когда был найден автобус, Шварца на этом месте уже не было. Поскольку группа Каримова приступила к розыску первыми, то первыми и завладели всеми камерами наружного наблюдения расположенными на трассе. Просматривая весь проезжающий транспорт в направлении города с камер наблюдения, они чисто случайно увидели в лобовом стекле большегрузного тягача «Вольво» знакомую физиономию Отто Шварца. Дальше уже было совсем просто. Определить по номеру, кому принадлежит фура, кто водитель и куда этот автомобиль направляет-

ся было минутным делом. По подсчетам капитана, «Вольво» этой ночью должно было или миновать Новосибирск, или же остановиться там на ночлег. Доложив о своих соображениях полковнику Мусаеву, Каримов позвонил в Новосибирск с требованием задержать разыскиваемый автомобиль и вылетел туда сам, лично.

Люди Мещерякова, разумеется, тоже оперативно-розыскные мероприятия начали таким же образом. Только вот в отличие от группы Каримова они не могла знать, даже приблизительно, когда Шварц покинул место преступления. Вот поэтому временной период для тщательной проверки и изучения, у них получился длиннее. Кроме того, встретив недоумение со стороны владельцев камер уже подвергавшихся экспертизе, они поняли, что кто-то опережает их и тоже ищет Шварца, причем очень даже активно.

Подполковник Мещеряков поделился своими подозрениями с генералом Васнецовым, но тот в ответ только пожал плечами, мол, ему ничего не известно. И тон, каким это было сказано, очень Николаю Андреевичу не понравился. А тут еще его приятель, отставник Дорохов, ни с того ни с сего очень заинтересовался этим случаем и даже уговорил поделиться оперативной информацией, правда, пообещал держать его в курсе дела. Мещеряков сразу же предупредил его, чтобы он со своим детективным агентством не лез в это дело. Вся эта неприятная заваруха, на таком контроле в Москве,

что если будут под ногами мельтешить, то и лицензию могут отобрать. Да и бесперспективное это занятие. Человек гражданин Франции, он сейчас скачками к государственной границе приближается, хоть через Украину, или Беларусь. Федеральный розыск уже объявлен. Не сегодня-завтра Интерпол подключится, а тут детективное агентство деревенского пошиба невесть откуда вылезет. Смех, да и только. Тем не менее, Мещеряков отметил себе, что надо бы все-таки захватить к Дорохову, поболтать, водочки выпить, глядишь, может какую информацию почерпнет. Не раз уже так бывало. Фотографию Шварца в кабине «Вольво» они конечно уже тоже имели и примерный маршрут машины вычислили. Только вот после Березовки видеокамера его физиономию больше не зафиксировала, как и последующие, а это означало, что вышел он там.

Из оперативных материалов, которые представил Мещеряков Степану, было непонятно, откуда появилось боевое оружие у осужденного. Допустим, что Шварц планировал побег и под каким-то предлогом его вывезли за пределы колонии. Под каким? Если вновь открывшиеся обстоятельства то, что мешало допросить его на месте, в ИТК? Если следственный эксперимент, то почему без следователя, без вооруженной охраны? Да и нет в материалах дела никакой ссылки, на необходимость вывозить осужденного в город. Возможно, что позднее и будут выявлены какие-то основа-

ния для этого, так как пока не опрошены ни начальник ИТК, ни его зам по БОР. Да и Руководство УФСИН никак такое мероприятие не миновало бы. Нет, здесь что-то не так.

– Как известно, охрана осужденного была не вооружена, – Продолжал рассуждать Федор. – тогда не совсем понятно, откуда взялся «ТТ»? Они вообще, давным-давно сняты с вооружения и используются только бандитами. Отто Шварц закоренелым бандитом не был, в России он пробыл до его ареста не более двух недель и до этого, как здесь написано, никогда не был. Соответственно с преступным миром не знаком и связей с ним не имеет. Тогда кто бы ему в зоне мог передать пистолет? Ответ, никто. Если Шварц это тот человек, про которого я вам говорю, то чтобы справиться с тремя обычными, невооруженными людьми ему пистолет вообще не нужен. Он бы с ними разделался на раз, два, три безо всякого ствола, голыми руками. То, что он попал в камеры наружного наблюдения, говорит скорее только о том, что он давно не был в цивилизованном мире, а не о его неосмотрительности.

– Я думаю, что нам необходимо переговорить с Сивым, уж наверняка у него есть связи с криминальными авторитетами зоны. – Подал вдруг голос, молчавший до сих пор профессор. – Уж они-то должны об этом Шварце и о его побеге знать, а может даже и в курсе, где он сейчас находится.

– А что, это идея. – Степан взял со стола телефон.

Сивого долго ждать не пришлось. По воле случая он как раз находился недалеко от офиса Агентства и с удовольствием откликнулся на приглашение друзей выпить рюмку-другую хорошего коньячка.

– Приветствую вас, Пинкертоны. – Прямо с порога пошутил Сивый. – Наливайте, сыщики, раз приглашали.

– Да легко. – Профессор виртуозно, как жонглер, подкинул на руке красивую бутылку французского коньяка.

– Ну, рассказывайте. Зачем вам понадобился антисоциальный элемент Сивый, что вы даже на такой коньяк разорились?

– Связи твои, Виталий Иванович, понадобились, на зоне, – Услужливо наливая рюмку, – ляпнул профессор.

– Что-то рановато вы туда собрались. – Скорчил рожу Сивый. – И какой режим вас интересует? Надеюсь общий.

– ИТК – У-501.

– А че? Есть зоны и посолідней.

– Нет, нас интересует У-501-я. Знаешь там кого-нибудь?

– Странный вопрос. А кого надо-то?

– Того, кто достаточной информацией владеет.

– Ну, что за информация-то? Что я вас тянуть за одно место должен?

– Там вчера один сбежал, Отто Шварц его фамилия. Вот нам подробности этого эксцесса нужно знать.

– Ну, знаю я про побег, слышал. Не наш человек, вообще он, по-моему, иностранец.

Понадобилось почти полчаса, чтобы объяснить Сивому сложившуюся ситуацию и то, что они от него хотят. За это время бутылка опустела и Профессор достал из стола еще одну. Наконец Сивый закивал головой.

– Все понял. Я сегодня дам команду, чтобы связались с Егором и завтра буду иметь всю информацию, так же выясню знает что-нибудь хозяин или нет, у меня на него есть выход. Только сразу оговорюсь, если это плановый побег это одно дело, а если «рывок», то есть внезапно возникшая возможность сбежать, здесь, как говорится, я ничего не узнаю. Одним словом, попробую. Завтра встречаемся в ресторане «Сопка» в 13:00, я так не привык, без закуски. – И Сивый обвел рукой пустой стол. – Ладно, я поехал.

– Ну что, опять тачку вызываем? Ведь говорил, давайте шофера на работу примем. – Снова забубнил профессор. – Вон Коршунову хорошо, ему недалеко идти, а нам на другой конец города. Я на автобусе больше не поеду.

– Да ладно тебе причитать. – Засмеялся Степан. – Вызывай такси, а шофера сам найди подходящего.

Глава 14

У Валентина Ивановича с утра опять сильно болела голова. Признаться, он знал, причину возникновения этой боли, обыкновенная алкогольная интоксикация. Каждый из нас знает, от чего она происходит и даже как ее лечить. Беда в том, что ему только что, позвонил Мусаев и предупредил, чтобы он был готов, к встрече с подполковником службы собственной безопасности МВД, Мещеряковым, по поводу побега из зоны осужденного Отто Шварца.

Едва полковник запил травяным настоем таблеточку от головной боли, как по селектору пискнула Люся:

– Валентин Иванович, к вам из Главка МВД, подполковник Мещеряков.

– Проси. – Буркнул Медведев, вставая из-за стола и застегивая пуговицы на кителе.

– Здравия желаю, товарищ полковник. – В кабинет бодро вошел Мещеряков. – У меня есть... – Начал было он, но Медведев перебил его.

– Задавайте свои вопросы. Меня уже предупредили, что МВД будет сопровождать расследование этого дела. Я даже рад, как-никак совсем недавно еще сослуживцами были, одному министерству подчинялись. Не хотите ли чайку, кофе, что-нибудь покрепче не предлагаю, хотя?.. – Медведев развел руками и как он это сделал, Мещерякову стало понятно,

что сам он сейчас с удовольствием жажнул бы это самое покрепче.

Сдержав усмешку, Мещеряков заверил его, что буквально только что пил кофе, а «что-нибудь» предпочитает пить исключительно после службы.

За полчаса, потраченных на беседу с начальником ИТК, Мещеряков так и не смог добиться однозначного ответа на простой казалось бы вопрос: «Зачем осужденного вывезли за пределы колонии?».

Вначале полковник пытался свалить всю вину на своего зама по БОР, утверждая, что это было исключительно его распоряжение, а чем оно было мотивировано, ему неизвестно. Когда же Мещеряков напомнил ему, что пропуск на выезд через КПП был подписан лично им, вспомнил, что зам ему что-то говорил, но он не запомнил, поскольку у него и так много производственных проблем и он не в состоянии охватить еще и такие мелкие вопросы, как работа с осужденными. На что Мещеряков, пожав плечами, возразил, ссылаясь на должностную инструкцию начальника ИТК, где черным по белому как раз и было написано, что работа с осужденными это и есть главная его цель и задача.

Окончательно запутавшись, Медведев, вдруг сославшись на неотложные дела, предложил продолжить разговор в другое время. Например, завтра, мотивируя это отсутствием своего заместителя, который наверняка смог бы ответить на все вопросы, развеять все сомнения и необоснованные по-

дозрения.

Уезжал Мещеряков от начальника ИТК – У-501 с таким чувством, словно из него хотят сделать дурака. Настолько ответы были глупые, примитивно выдуманы, что Мещеряков почувствовал даже обиду. Выходит, Медведев даже не подготовился, не придумал более-менее правдоподобной версии. Почему? Ведь даже ребенку ясно, что полковник врет, врет нагло и даже этого не скрывает. Почему? Выходит, здесь замешан кто-то еще. Вот кто этот «кто-то», в интересах которого все это и происходит?

Ну, что может быть общего, между иностранным хулиганом нажравшимся в клубе водки и устроившим дебош, и полковником российской исправительно-трудовой колонии? Вот это и предстоит выяснить.

– Ладно. – подумал Мещеряков. – Завтра так завтра. А сейчас съезжу ка я к этим детективам. Может, что интересное узнаю.

Оставшись один, Медведев немедленно выпил стакан водки, закусив все той же дежурной карамелькой из тех, что не известно сколько уже лет, валялись у него в столе.

Дурнота не сразу, но постепенно отступила, настало просветление. Полковник осознавал, что вел себя в разговоре с Мещеряковым как конченный идиот. Надо быть круглым дураком, чтобы поверить в тот бред, который он только что ему нес. А судя по выражению лица подполковника, он ему и не

поверил. Завтра он обязательно опросит зама. А потом? А потом, скорее всего, их уже будут не опрашивать, а допрашивать. Ведь все эти уловки, подтасовки, все шито белыми нитками и настолько очевидно, что впору застрелиться, и не позориться. Ну не в тюрьму же садиться, в конце концов. Медведев вдруг отчетливо все это себе представил и похолодел. – Черт его дернул связаться с этим Мусаевым, жил бы сейчас как раньше и забот бы не знал. Вся предыдущая его жизнь, которую он так хаял и которой был так недоволен, показалась ему теперь такой спокойной, радостной и даже счастливой. Ну, нет у него джипа, нет трехэтажной дачи, да и хрен с ними. Зато у него есть жена, дети, внуки, дача, рыбалка, водка в конце концов и все это он сейчас может в одночасье потерять из-за каких-то 100 тысяч зеленых рублей.

Без стука распахнувшаяся дверь вывела Медведева из мрачного состояния. Мусаев, в последнее время ставший уже завсегдатаем этого кабинета, молча плюхнулся на приставной стул.

– Ну, что раскис? Офицер называется. Что подполковника интересовало?

– Что его может интересовать? Как и любого здравомыслящего человека его интересовало, по какой такой причине осужденный иностранец оказался за воротами колонии? Вполне резонный вопрос. И я, и вы, доведись расследовать это дело, тоже с этого бы начали.

– Что ты ему на это ответил?

– Ответил, что я не знаю истинную причину, что этим вопросом занимался мой зам по БОР подполковник Иващенко. Но он же завтра это не подтвердит. Я его сегодня на лесосеку сплавил, а завтра Мещеряков с ним обязательно беседовать будет. И тогда все...

– То есть теперь все зависит от показаний Иващенко? – Глянул на Медведева начальник.

– Так точно. – Грустно кивнул Медведев, с тоской поглядывая на бутылку водки.

– Не падайте духом, полковник. – Усмехнулся Мусаев, – вот вам мой совет, никогда не отходите от однажды выбранной позиции. В противном случае вы, окончательно запутавшись, будете выглядеть смешно или наоборот печально. Так что гни свою линию, вали все на зама и не ссы.

Мещеряков внимательно выслушал детективов, поглядывая с улыбкой то на одного, то на другого. И хоть на это ушло времени почти час, он никого не перебивал и вопросов не задавал. Умел слушать мужик. Когда вся информация была донесена до сведения Мещерякова, Степан спросил.

– Как же так? Почему, отсутствует его дактилоскопия в базе данных, если допустить что Отто Шварц это Василий Шатров?

– Очень просто. – Ответил Николай Андреевич, указывая на Коршунова. – У них своя дактилоскопическая база, секретная, там не только пальчики и ладошки откатывают, там

даже отпечатки ног берут на всякий случай.

– Это точно. – Кивнул Коршунов.

– Я вот что думаю. – Мещеряков задумчиво наморщил лоб. – Может отправить его отпечатки в ФСБ? Но я этого сделать не смогу без разрешения своего руководства, а вот поведение генерала в отношении этого дела меня что-то настораживает.

– Если хотите знать мое мнение. – Поднялся Коршунов. – То я бы этого делать не стал. Понимаете, ведь не просто так он почти тридцать лет находился в Легионе. И потом, когда его арестовали, он же мог попросить следователя связаться с ФСБ. Значит здесь какая-то тайна. А то, что это действительно Шатров, у меня, лично, сомнений не вызывает.

– Хорошо, будем друг-друга ставить в известность обо всех вновь отрывающихся обстоятельствах этого дела.

Информация, полученная Сивым, надо полагать, почти из первых уст, была настолько проста и в то же время чудовищна, что здравый смысл отказывался в это верить.

С воли, якобы, поступило сообщение, что Легионера хотят казнить. В роли исполнителей должны были принять участие сами заказчики. То есть это была месть. Дальше сообщалось, что инициатором всей операции был не кто иной, как заместитель начальника областного УФСИН полковник Мусаев. Ахмед Рашидович, якобы был родным дядей потерпевшего в деле Отто Шварца. Теперь многое вставало на

свое место, за исключением одного, гибели конвоиров.

По утверждению людей близких к Егору побег действительно был подготовлен, но наскоро, так как времени было мало, чтобы подготовиться более тщательно. В автобусе легионера ждал нож под сиденьем и ключ от наручников, никакого пистолета не было, да и быть не могло, зона все-таки.

Более подробные сведения о дальнейшей судьбе легионера Сивому должны были доставить прямо сейчас, так как Кабан уже час назад как уехал в село Сосновка, что на междугородней трассе, ведущей на Запад.

– Легионер, вставай. – Трифон энергично тряс его за плечо.

– Что, пора? – Поднял голову Василий, как будто и не он продрых уже почти пять часов.

– Пора. Темнеет уже. Спускайся в кухню, поесть на дорожку надо. Путь не близкий.

– Все, встаю. – Василий одним махом вскочил на ноги, вызвав тем самым неподдельное удивление Трифона, который по возрасту старше Легионера был всего-то лет на десять.

– Подготовка у тебя я смотрю не слабая. Спецназ, наверное?

– Вроде того.

– Ну, пойдем, я тебя с проводниками познакомлю, давно ждут.

Кого угодно ожидал увидеть Василий в кухне, но не лы-

сого старика и хрупкую девушку в качестве, как выразился Трифон, проводников.

– Это Череп. – Указал он на лысого старика.

– Что ж, похоже и правда череп. – Усмехнулся в душе Василий и повернулся к девушке.

– Варя. – Подала руку девушка. Садитесь за стол, надо поесть. Вы что пьете?

– Виски, если можно. Только не разбавляйте.

– А я вам и наливать не собираюсь. Сами как-нибудь. – Варя усмехнулась и пододвинула бутылку к Василию.

Глава 15

Уже подъезжая к штабу ИТК, полковник Медведев с удивлением обнаружил у парадного входа две полицейские машины. Вспомнив, что так и не включил звук своего телефона, досадливо поморщился.

Он понимал, что появление с утра полицейских, наверняка, связано с побегом осужденного и ничего хорошего от этого визита не ждал. В глубине души он все-таки надеялся, что Отто Шварца при задержании пристрелят и таким образом он не сможет ничего поведать следствию. С другой стороны, полковнику не давал покоя вопрос: «Как у осужденного мог оказаться пистолет?». В любом случае, появление с самого утра полицейских, не предвещало ничего хорошего.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Медведев включил телефон. Как он и предполагал последние два часа ему почти непрерывно звонили из дежурной части.

– Подъехать, что ли, не могли. – Пробурчал Медведев, тут же вспомнив, что ночевал сегодня на даче за городом.

В приемной его уже ждали; незнакомый майор с усталыми, не выспавшимися глазами и двое гражданских лиц, видимо оперативники. Рядовых полицейских, как правило, означающих конвой, а следовательно и задержание он ни в коридоре, ни в приемной не обнаружил и облегченно вздохнул.

Вскочившие при появлении полковника офицеры, наконец развеяли его опасения.

– Проходите. – Мрачно бросил он полицейским.

Новость, которую он услышал от усталого майора, была ошеломительная. Сердце полковника вдруг оборвалось и вновь зачастило с бешеной скоростью, на лбу выступил пот, руки затряслись, ноги стали, совсем ватными, и он обессиленно плюхнулся в кресло.

Сегодня утром у себя на квартире был обнаружен труп подполковника Иващенко, заместителя начальника ИТК по БОР. Труп обнаружила супруга подполковника, вернувшаяся утром с дачи на первой электричке. То, что это убийство, ни у кого не вызывало сомнения, так как смерть наступила в результате огнестрельного ранения в затылок.

Медведев служил в правоохранительной системе не один год и сразу понял, что смерть его заместителя, это не случайность. Да и опера, первыми приехавшие на «труп», утверждали, что следов ограбления нет, да и что брать у этого «нищиброда», ни детей, ни естественно, внуков у него не было, с женой отношения так себе. На уме только рыбалка, банька с такими же как и он, ну, естественно, водка. На службе, однако, он проявлял себя как добросовестный служака, а больше о нем Медведев и сказать то ничего не мог. Не дружили они, как-то не получилось.

Следователя интересовало; не могли ли причиной убийства быть его служебные взаимоотношения с осужденными.

Вряд ли. Никаких ущемлений с его стороны к осужденным никто не замечал, в вымогательстве его упрекнуть было нельзя. Человек он был мягкий и добродушный, скорее, безвольный и апатичный по сравнению с другими операми.

— Нет, тут надо причину искать на стороне. — Резюмировал Медведев и добавил. — Я так думаю.

Разговор уже подходил к логическому завершению, как внезапно в кабинет вошел подполковник Мещеряков. Опера и «следак» были из района и потому, завидев подполковника Главка, дружно вскочили.

— Я так полагаю, обсуждается причина гибели вашего заместителя. Не так ли?

— Да вот ребята из нашего РОВД интересуются, не кроется ли причина в его служебных взаимоотношениях. — Проямлил обескураженный появлением подполковника Медведев.

— Ну и...? — Мещеряков оглядел притихших офицеров.

— Все указывает, что на службе у Иващенко не было никаких конфликтов ни с осужденными, ни с коллегами. — Встал майор.

— А то, что я сегодня хотел опросить Иващенко по поводу недавнего побега осужденного из-под стражи и убийство им троих конвоиров? Это не конфликтная ситуация?

— Мы пока этот вопрос не рассматривали, товарищ подполковник. — Переглянулись полицейские.

— В общем так. — Мещеряков встал. — Мне сейчас некогда. Все материалы по Иващенко передадите в отдел собственной

безопасности Главка. Мы будем этим заниматься. Вы, – Он повернулся к Медведеву – извольте завтра тоже к нам подъехать для дачи показаний. Честь имею. – И вышел.

Следом за ним побрели и районные полицейские, радостно обсуждая как им чудесно повезло.

Медведев сидел опустошенный, безразлично уставившись в окно. Делать ничего не хотелось, да он и не собирался. С горечью опять представил, как оставит на долгие годы, а может и навсегда, свою семью; жену, внуков. Сын после универа хрен работу достойную найдет, кто возьмет к себе родственника коррупционера и убийцы.

Он непонимающе уставился на свою секретаршу Люсю.

– Что хотели, Валентин Иванович? – Который раз она спрашивала его.

– Люся. – Пришел в себя Медведев и скорчил страдальческую физиономию. – У тебя выпить ничего не найдется?

– Водка. – Кивнула головой Люся и молча вышла.

Люди Каримова, на черном микроавтобусе «Мерседес» в Сосновку въехали уже ближе к ночи, расположив транспорт таким образом, чтобы улица Советская просматривалась насквозь, стали ждать. Через час, примерно, к ним подъехал и сам капитан, только что прилетевший на самолете из Новосибирска. Благо, что аэропорт находился совсем недалеко.

Как он и предполагал, дальнобойщик, задержанный Ново-

сибирскими «гаишниками», толком рассказать о своем случайном попутчике ничего не мог. Но зато точно и уверенно назвал и показал на карте место, где его посадил.

Каримов был оперативником опытным, сразу из аэропорта он созвонился с полковником Мусаевым, объяснил тому план дальнейших действий и вылетел в Белоярск.

Люди Мусаева в кратчайшее время через своих агентов смогли вычислить кто в Березовке мог бы быть связан с ОПГ и лично с Егором, отбывающим сейчас срок в ИТК – У-501. Им оказался хорошо известный в криминальных и, естественно, в правоохранительных кругах некто Трифон, проживающий там по улице Советской дом 67.

– Ну что? – Поинтересовался капитан, устало влезая в микроавтобус. – Движение какое-то есть?

– По данным агентуры еще днем туда вошли мужчина и женщина, и до сих пор находятся там. – Доложил старший группы захвата лейтенант Беспалов.

– Кто они такие установить удалось?

– По непроверенным данным мужчина, неоднократно судимый, криминальный авторитет «Череп», женщину установить не удалось.

– Ладно, пошли. – Каримов посмотрел на часы. – 2 часа уже.

Группа из шести человек, включая Каримова, бесшумно выскользнув из автобуса, и под прикрытием высокого забора цепочкой стала продвигаться вперед. Обученные к подоб-

ным акциям люди передвигались быстро, бесшумно и незаметно. Вот только дворовые собаки, не привыкшие к ночным посещениям гостей, словно полоумные взвыли, забрежали и залаяли на все собачьи голоса, поддерживая друг друга и предупреждая хозяев «чужие».

– Вот черт. – Выругался, Беспалов. – Сейчас всех на уши поставят.

Трифон настороженно склонил голову. Потом быстро встал и вышел на крыльцо. Череп так же напрягся, встал и потушил свет.

– Что случилось? – Василий тоже поддался всеобщему чувству опасности.

– Менты, уходить надо! – Прокричал Трифон, вбегая в дом. Давай быстрее одевайся, кивнул он Василию, на вот обращаться, наверное, умеешь он протянул ему пистолет Макарова и две полные обоймы.

Уходили через черный ход. Еще днем, видимо, в конце огорода была открыта калитка, ведущая на соседнюю улицу, где в тени большого сарая стояла старенькая «Мазда».

Машина мигнула огоньками, и Василий только сейчас заметил, что бежавшая впереди Варенька вытянула вперед руку в которой, видимо, и находился брелок. Очевидно «Мазда» стояла на автозапуске, потому что в ее салоне было домашнему тепло и уютно, двигатель работал мощно, но почти бесшумно.

– С богом. – Прохрипел Череп, устраиваясь на переднем сиденье рядом в Варенькой. – Кажется, пронесло.

Василию, с его 190-ым ростом, на заднем сиденье малолитражки было не совсем удобно, к тому же что-то холодное и угловатое постоянно давило в спину. Пошарив рукой по своему креслу, он обнаружил пару автоматов Калашникова, накрытых то ли покрывалом, то ли одеялом.

Выруливая на трассу, они заметили, как им наперерез бросился полицейский в желтом светоотражающем жилете, яростно размахивая полосатым жезлом.

– Ну все, хвост обеспечен. – Усмехнулась Варя, увеличивая скорость. – Хорошо хоть машин мало.

Как будто в подтверждение ее слов сзади, взвыла сирена, засверкали огни импульсных светодиодных маяков и вспышки стробоскопов.

– Погоня. – Прошептал Череп и, открыв окно, бросил что-то назад, на дорогу. Через секунду раздавшийся сзади взрыв и огромное пламя заставило гнавшуюся за ними машину резко затормозить, языки пламени перегораживали проезд. Дорога пылала. Время для погони было потеряно и «Мазда» натужно завывая на предельной скорости, полетела по трассе навстречу неизвестности.

Глава 16

На утро следующего дня, когда детективы, уже было собирались выпить кофейку, церемония, почти ставшая обязательным ритуалом и традицией в среде мелких чиновников и служащих наших учреждений, внезапно без звонка ввалился возбужденный Сивашов.

Поняв, что Сивый обладает какой-то уж очень инсайдерской и сверхъестественной новостью, все взоры были обращены к нему.

Ну? – Степан застыл с кофейной чашкой в руке. – Говори, не томи.

– Сегодня ночью легионер ушел от ментовской погони по трассе в сторону Новосибирска. Применялось оружие.

– Кто стрелял? – Подался вперед Коршунов.

– Из машины Легионера бросили гранату с бутылкой то ли бензина, то ли солянки. В общем, дорога горела минут пять, машина за это время оторвалась и где они сейчас пока неизвестно.

– Ты же говорил, что вчера Кабан должен был съездить к Трифону?

– Говорил. Они там весь вечер просидели в машине, но когда они туда приехали там уже засада была. Дом Трифона пасли. По номерам машины, потом уже, удалось установить, что это машина не правоохранителей. Левый был какой-то

«Мерседес». Я думаю, что это люди семьи Мусаевых.

– Ты сказал, что машина, на которой скрылся Легионер, ушла в сторону Новосибирска? – Коршунов подошел к висевшей на стене карте области.

– Да, это «Мазда СХ-3» серого, неприметного цвета, довольно таки уже старенькая, но видимо мотор хороший.

– Ты сказал: «где она сейчас, пока неизвестно». Это что, такой замысловатый, риторический прием, или их можно будет найти? – Профессор саркастически закатил глаза.

– Дело в том что стоящую на другой улице почти за огородом Трифона, «Мазду», Кабан не только сфотографировал, он на нее умудрился «маячок» поставить. – Сивый, бросил на стол профессора, цветные фотографии автомобиля. – Здесь я не знаю что? – Он достал флэшку – Но, думаю, ты разберешься.

– Другой разговор. – Проворчал Алексей Иванович, колдуя над компьютером. – Все понятно. Машина уже не движается. Она стоит и стоит она вот здесь. – Алексей потыкал пальцем в монитор. – Деревня Кедровка. – Он обвел всех взглядом. – Я не шучу, как раз в твоей деревне, Федор, она и стоит. Если, конечно, «маячок» самопроизвольно не отвалился.

– Чтобы он именно там самопроизвольно отвалился, надо туда с трассы еще съехать, так как, дальше там дороги нет. А это значит, машина в моей Кедровке оказалась не случайно. Надо ехать и на месте все смотреть. – Резюмировал Коршу-

НОВ.

– Когда поедем? – Профессор встал, словно собираясь немедленно отправиться в путь.

– Я думаю, после обеда и поедем. Может Мещеряков еще, какую информацию подкинет. – Размышлял Степан.

– Кстати, а вы в курсе, что сегодня заместителя по оперативной работе ИТК – У-501 Иващенко грохнули? – Сивый по очереди, оглядел присутствующих.

– Да это что такое? – Всплеснул руками профессор. – Кто же их убивает-то?

– Я думаю, этот эпизод тоже будет приобщен к делу о побеге Отто Шварца и убийстве трех конвоиров. Ведь очевидно, что это не случайность. – Коршунов посмотрел на Степана.

– Тогда это в пользу Отто Шварцу, ведь не мог он совершить убийство в городе, находясь почти за 100 километров от него. – Пожал тот плечами.

– Да почему не может-то? – Профессор взглянул на Коршунова. – Вы здесь столько наговорили о его подготовке, что я уже во все поверю.

– Подготовка конечно уникальная, только я не вижу тогда в его действиях никакой логики, а она же должна быть. Ведь так?

– Скажи, а эти агенты-ликвидаторы, они могли работать внутри страны?

– Почему нет? Они готовы и будут работать там, куда по-

шлют.

– Но послушай, Федор. – Не унимался профессор. – Если ты с ним вместе учился, то ему примерно столько же лет, сколько и тебе. Верно?

– Разумеется. Во всяком случае, не меньше.

– А тебе сколько?

– 60 скоро. – Усмехнулся Коршунов.

– Ну вот. Не может он столько времени находиться на службе? Ты же уже давно на пенсии.

– Может. У нас были случаи, когда внедренные агенты настолько вживались в роль, что выводить их из игры было нецелесообразно и даже опасно.

– И что? Они так до самой смерти и жили под чужим именем? Чужой жизнью?

– Да. Некоторые так и умирали. Такие примеры были и в штабах фашистской Германии, когда сотрудников Рейха эвакуировали в США, агенты продолжали работать уже на территории Америки. И тому есть масса примеров. Были случаи во время войны, когда агентов внедряли в банды уголовников, они так же мотали срок наравне с остальными, а некоторые даже достигали заметных высот в преступной иерархии. И потом даже невозможно было понять свой он или чужой, некоторые настолько срастались со своей легендой, что сами переставали понимать, где была перейдена грань, за которой он уже настоящий преступник и подлежит наказанию или ликвидации. Были такие случаи.

– Это интересно. – Профессор почесал затылок. – А мог Отто Шварц быть внедренным агентом в преступную среду?

– Не думаю. Во-первых, он тогда, скорее всего, был бы каким-нибудь Сидором или Тихоном. Это было бы более правдоподобно. Во-вторых, он был бы известен в криминальных кругах страны, там у них с этим строго. Ну и в-третьих, люди подобного ранга, никогда не поступают опрометчиво, они, как правило, достаточно умны и опытни. Это же старая гвардия, по-нашему говоря. Да вот хоть Сивого спроси.

– Я тоже думаю, что он не из наших, к тому же, даже по материалам суда видно, что он ранее, судим, не был да и вообще жил во Франции. Не будет ведь консульская служба врать. Им-то это зачем? Убийство конвоиров вообще за гранью всех понятий, не один урка так бы не сделал. Идти на рывок и оставлять после себя трупы это глупо, тебя же после этого никто задерживать не станет, просто грохнут как собаку. А еще, я вот слышал, что ты сказал об убийстве троих конвоиров. – Сивый повернулся к Коршунову. – Двоих, третий живой. Он в реанимации под усиленной охраной.

– Вот как? – Почти в голос воскликнули и Степан, и Федор.

После получасовой бешеной гонки по ночной трассе, петляющей по горам и косогорам, порой нависающей над самой рекой, Варенька сбавила скорость.

– Ну все, теперь вроде оторвались. – Прохрипел Череп,

закуривая и протягивая назад Василию, пачку сигарет.

– Кто это был? – Поинтересовался Шатров. – Если операцию проводила полиция, то они наверняка предусмотрели бы все пути отхода и возможность блокировать шоссе в нескольких местах по ходу их движения.

– А ты прав. – Прохрипел Череп. – Что-то не похоже на ментов. Ты больше никому дорогу не перешел? Мы-то ведь здесь с тобой только из уважения к Егору. Так что если есть какие, левые косяки говори, может все еще исправить можно. Нам же за твой блудняк подышать-то тоже не охота.

– Мусаев за мной охотится. Ахмед Рашидович, слышали о таком?

– Что ты натворил, что начальник из УФСИН не может тебя в ШИЗО сгноить, а хочет лично разобраться?

– Это кровная месть. Я его племяннику уши оторвал под корень, вот они меня и хотят казнить. Для них это обида, смыть которую можно только кровью. И убить меня должен потерпевший лично или ему позор, а значит и всей семье. А семейка эта, говорят, у них на Востоке или на Кавказе, не знаю даже где, очень влиятельная, богатая и уважаемая. Так что если меня найдут, я обречен. Я вам благодарен безмерно за помощь. Вы меня где-нибудь посадите и дальше я сам. Зачем вам, в самом деле, подвергать себя неоправданной опасности, я виноват мне и ответ держать.

– Да ладно ты, пальцы не гни. Мы свое дело знаем и сделаем что положено. Правда, Варенька? – Череп, пошарив где-

то у себя под ногами, извлек бутылку водки и граненый стакан. – Будешь? – Покосился он на Василия.

– Плесни чуть-чуть.

– Что это? – Воскликнула, оборачиваясь, Варенька. – Как они нас догнали?

Сзади, почти поравнявшись с их «Маздой», какой-то микроавтобус внезапно включил сирену, проблесковые огни и стробоскопы, резкий, властный голос, усиленный громкоговорителем, приказывал немедленно прижаться к обочине и остановиться, в противном случае грозились открыть огонь на поражение.

– Ну, вот и дождались, теперь уж никуда не денешься, придется повоевать. – Прохрипел Череп и сделав большой глоток, протянул бутылку Василию. – На, глотни, легионер, для храбрости и один автоматик мне подай. – И повернувшись к Варваре, прошипел. – Давай сверни куда-нибудь и сразу фары туши.

За поворотом машина на большой скорости, нисколько не притормозив, резко свернул влево. Видимо Варваре эта дорога была хорошо известна и она, даже в темноте, отлично здесь в лесу ориентировалась. Свернув, машина, по инерции еще пролетев метров десять, остановилась, выключив фары. Мгновенно наступившая темнота, скрыла в лесу и серенькую машину, и людей, мгновенно выскочивших из автомобиля, и не сговариваясь рассредоточившихся по придорожным кустам и валежникам, готовых к отражению атаки.

Гнавшийся за ними микроавтобус «Мерседес», не ожидавший подобного трюка от «Мазды», пропустил сворот, пролетев еще метров пятьдесят, развернулся и теперь, осторожно ощупывая фарами дорогу, остановился на свороте, вероятно заметив стоящую впереди «Мазду».

Глава 17

Машину «Мазда CX-3» наши детективы обнаружили в придорожном лесу, не доезжая до Кедровки каких-нибудь триста метров. Распахнутые дверцы автомобиля говорили о том, что и водитель, и пассажиры покидали его в спешке, и скорее всего не собираясь сюда возвращаться. На самом свороте с трассы на эту лесную дорогу отчетливо сохранившиеся следы другого автомобиля говорили, что «Мазда» была здесь не одна.

– Здесь стрельба была не слабая. – Заявил Степан, поднимая с земли несколько автоматных гильз калибра 5,45.

– Отсюда тоже стреляли. – Крикнул Коршунов. Он как опытный боец, сразу предположил, каким путем пассажиры «Мазды» должны были уходить от преследователей и первые стреляные гильзы он именно там и обнаружил. – Отсюда стреляли, вот из-за этого пня.

– Отсюда тоже. – Увлечшись поиском, профессор обнаружил гильзы метрах в десяти по другую сторону лесной дороги.

– Выходит, они уходили в разные стороны? – Степан недоуменно уставился на Коршунова. – Почему?

– Да нет. Двое уходили в ту сторону. – Он махнул рукой в сторону деревни. – А третий прикрывал их отход и отвлекал. Видишь сколько здесь гильз? Здесь он сменил «мага-

зин», вот он валяется. Не думаю, что у них большой боезапас. Вероятно они все же ушли и думаю в деревню. Да больше им и незачем было ехать по этой дороге.

– Профессор, ты что там, нашел? – Крикнул Степан.

– Здесь в машине видеорегистратор. Он до сих пор работает и карта памяти в нем.

– И что это нам дает? – Поинтересовался Коршунов, далекий от новинок цифровых технологий.

– Многое. – Буркнул тот. – А что конкретно, сейчас узнаем. – И он со снятым со стекла регистратором направился к машине, где всегда находились все его компьютерные причиндалы и другая полезная аппаратура.

– Пойду машину тоже осмотрю, может, что полезное обнаружу. – Степан двинулся к «Мазде». – Между прочим, двигатель то до сих пор теплый. – Крикнул он Федору, похлопав по капоту, а вот заднее колесо пробито, вероятно, пулей и дверцы обе прошиты насквозь, но крови в салоне нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.